

БОЛЬШОЙ БЕРЕЛЬСКИЙ КУРГАН
(Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.)

Большой Берельский курган был раскопан в 1865 г. В. В. Радловым, впоследствии академиком, а тогда лишь мало кому известным преподавателем Барнаульского окружного училища. В 1866 г. были опубликованы выдержки из отчета Радлова, в котором содержались сведения о местоположении кургана, беглая характеристика устройства насыпи, а также описание погребения, очень краткое и не сопровождавшееся чертежами. Кроме того, в оригинальном альбоме рисунков сибирских древностей, собранных В. В. Радловым за время его путешествий, есть раздел, посвященный материалам древней железной эпохи Алтая; он содержит рисунки вещей из курганов Берельской степи, в том числе и из Большого, сделанные с натуры, но часто без соблюдения пропорций.

Вещи из Большого Берельского кургана были доставлены в Археологическую комиссию и затем переданы в Московский публичный музей. В настоящее время они хранятся в Государственном Историческом музее в Москве (коллекции 54660 и 54746).

В 1884 г. в Лейпциге вышла книга В. В. Радлова «Aus Sibirien», седьмая глава которой, посвященная сибирским древностям, представляет собой обработку полевых записей экспедиций 1865 и 1866 гг. В этой главе на нескольких страницах дается краткий отчет о раскопках Большого и других курганов Берельской степи, проведенных 12 июля — 9 августа 1865 г. Книга попала в Россию в малом количестве экземпляров. Поэтому А. Бобринский счел необходимым опубликовать седьмую (археологическую) главу на русском языке.

В 1905 г. вышел в свет Каталог древностей Московского публичного и Румянцева киевского музеев, в котором приведен перечень берельских находок, хранившихся в музеях. Сопоставление перечня со списком вещей, имеющимся в рукописном отчете В. В. Радлова, а также данные, которые можно почерпнуть из текстов публикаций, посвященных Берельским курганам, показывают, что многие вещи, добытые при раскопках и зафиксированные В. В. Радловым в дневнике и списке, в музей не попали и, надо полагать, утрачены совершенно.

В конце 20-х гг., в связи с развитием археологии Минусинской котловины, Центральной Азии и Алтая, в науке возрождается интерес к берельским курганам. В 1928 г. выходит в свет работа А. Захарова, в которой автор дает подробную характеристику радловского материала, в основном описательную, и приводит фотографии (к сожалению, очень нечеткие) важнейших находок. Анализ материала Захаровым не сделан. Лишь в конце статьи очень кратко говорится о важности берельского материала для изучения сибирского художественного стиля, а также проблемы связей Сибири с классическим и иранским миром.

В 30-х гг. берельским материалом занимается М. П. Грязнов, который, работая над материалами Первого Пазырыкского кургана, подробно рассматривает радловские материалы, относящиеся к Большому Берельскому кургану, и дает реконструктивный чертеж погребения. М. П. Грязнов касается также вопросов датировки и толкования Большого Берельского и других сходных с ним курганов Берельской степи.

Авторы других исследований, имеющих отношение к раннему железному веку Алтая, берельский материал специально не разбирают, а касаются его лишь вскользь.

Интерес к древним памятникам Южного Алтая вновь возрастает к концу 50-х гг. Это следует связать с общим подъемом археологии азиатской части СССР и, в частности, с новыми крупными раскопками больших курганов с каменными насыпями в Горном Алтае: Башадарского, Туэктинских и др. Изучение этих памятников требовало привлечения новых материалов из сопредельных областей, в частности, из Южного Алтая.

В 1959 г. по инициативе С. И. Руденко была организована археологическая экспедиция для исследования Большого Берельского кургана. Предполагалось получить точные данные о конструкции погребения И и взять образцы древесины для радио-углеродного и дендрологического исследования, а также проверить, не оставлены ли В. В. Радловым какие-либо вещи, например, саркофаг-колода.

Работами 1865 и 1959 гг. Большой Берельский курган в плане полевых исследований изучен до конца.

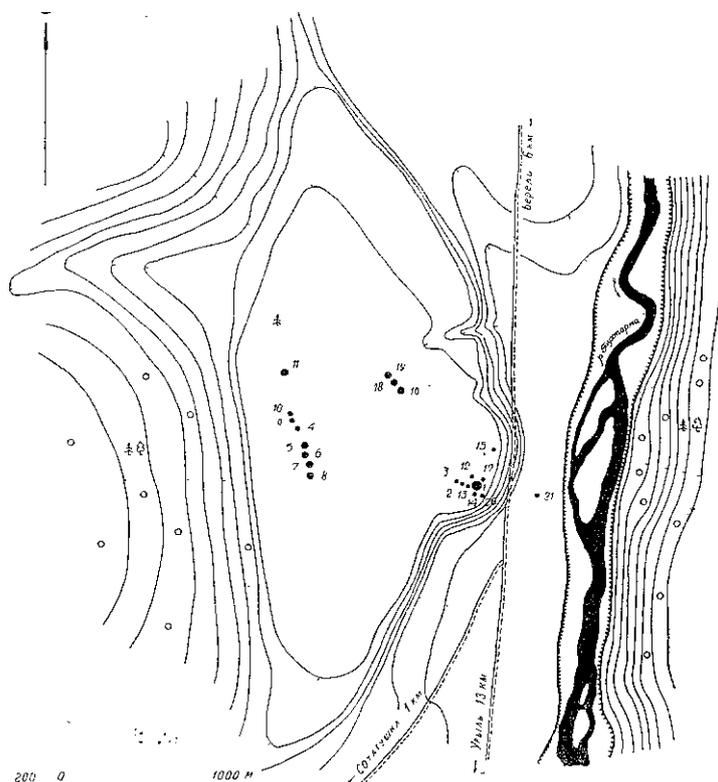

Рис 1 Берельский могильник. Глазомерный план,

ИССЛЕДОВАНИЯ 1959 г.

Могильник, к которому принадлежит Большой Берельский курган, расположен на правом берегу реки Бухтармы, на 6 км ниже впадения в нее Белой Берели (рис. 1) (Казахская ССР, Восточно-Казахстанская область, Болюне-Нарымский район). Он состоит из полутора десятков курганов, образующих три группы: одну у края плато и две у гор. В этих последних курганы расположены цепочками по линии ССЗ — ЮЮВ. Большой курган лежит почти у края плато, в том месте, где оно образует мыс, господствующий над поймой.

Внешний облик насыпей единообразен. В настоящее время это округлые в плане, расплывчатые каменные наброски с ямами, оставленными добытчиками камня, и с воронками грабительских или исследовательских раскопок.

Плато, на котором расположен могильник, простирается с севера на юг приблизительно на 3 км и с запада на восток на 1,5 км. Оно представляет собой вторую террасу Бухтармы, сложенную из песчаных глин и возвышающуюся над надпойменной террасой приблизительно на 25 м. Черноземный почвенный слой на плато достигает 60 см. Травянистый покров очень богат.

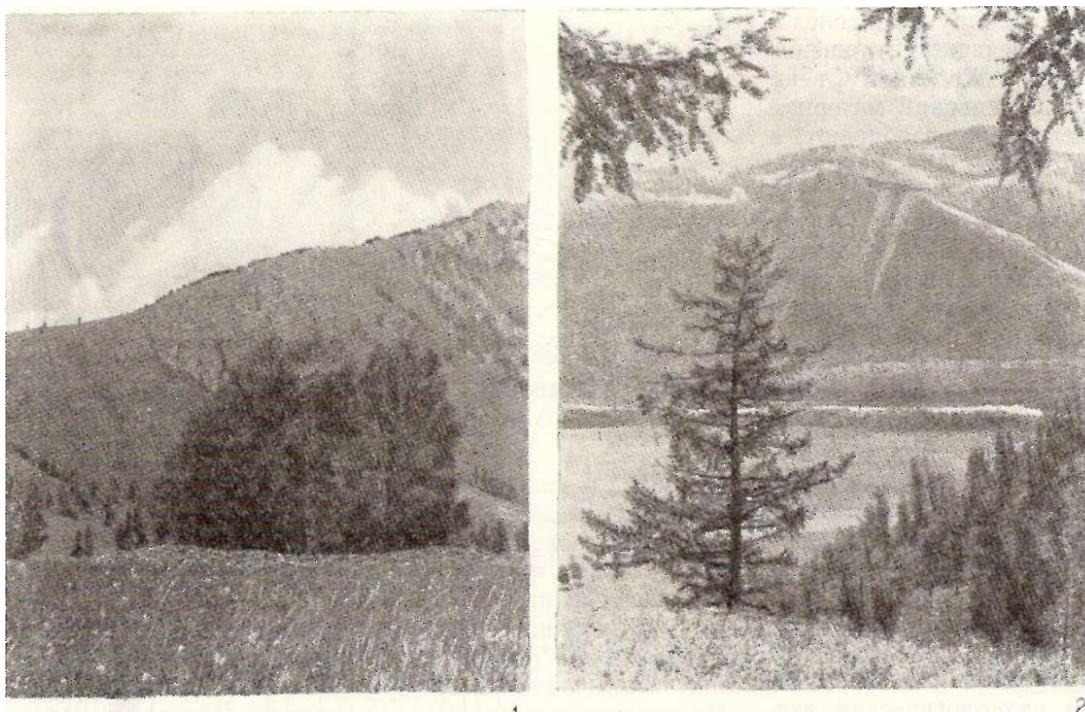

Рис. 2.

1 — Большой Берельский курган до начала раскопок 1959 г.; 2 — вид на Берельское плато с западного склона долины.

Плато расположено на высоте 1200 м над уровнем океана. В долине летом выпадает много осадков, зимы холодные, часты поздние весенние и ранние осенние заморозки. В сочетании с исключительной чистотой воздуха эти условия благоприятствуют образованию линз вековой мерзлоты под большими каменными насыпями. По свидетельству В. В. Радлова, мерзлота под насыпью Большого кургана распространялась на глубину до 6 м.

Большой курган к моменту раскопок представлял собой каменный вал шириной 6—7 м и высотой около 2 м (рис. 2), в плане имеющий форму тридцатиметрового кольца (рис. 3). Внутренняя площадь, свободная от камня, вся перерыта.

Доследование кургана начато с расчистки и планировки пространства внутри каменного вала. Затем курган через центр был прорезан двухметровой траншеей (рис. 3). В восточной части траншеи на глубине 60—70 см от современной дневной поверхности обнаружено пятно древней погребенной почвы, опустившееся в виде заплыва в могильную яму. На камнях, лежавших над этим пятном, сохранились остатки мха. Камни со мхом — остатки неповрежденного каменного покрытия кургана, по-видимому, его оплывшая пола (рис. 4).

Для выяснения первоначального размера каменного покрытия кургана был произведен подсчет кубатуры камня в валу. Поперечное сечение вала представляет собой трапецию с основаниями (в среднем) 7 и 3 м и высотой 2 м. Длина окружности вала по средней линии равна 75 м. При таких размерах объем камня в валу к 1959 г. составлял приблизительно 750 м^3 ($\sim X 2 \times 75 = 750V$). К этому количеству следует прибавить еще не менее 100 м^3 камня, который был выброшен нами из ямы при раскопках, а также тот камень, который был взят местными жителями для построек. В результате мы получаем, что на устройство надмогильного сооружения в древности было потрачено не менее 1000 м^3 камня.

Рис. 3. План и профили, снятые до раскопок.

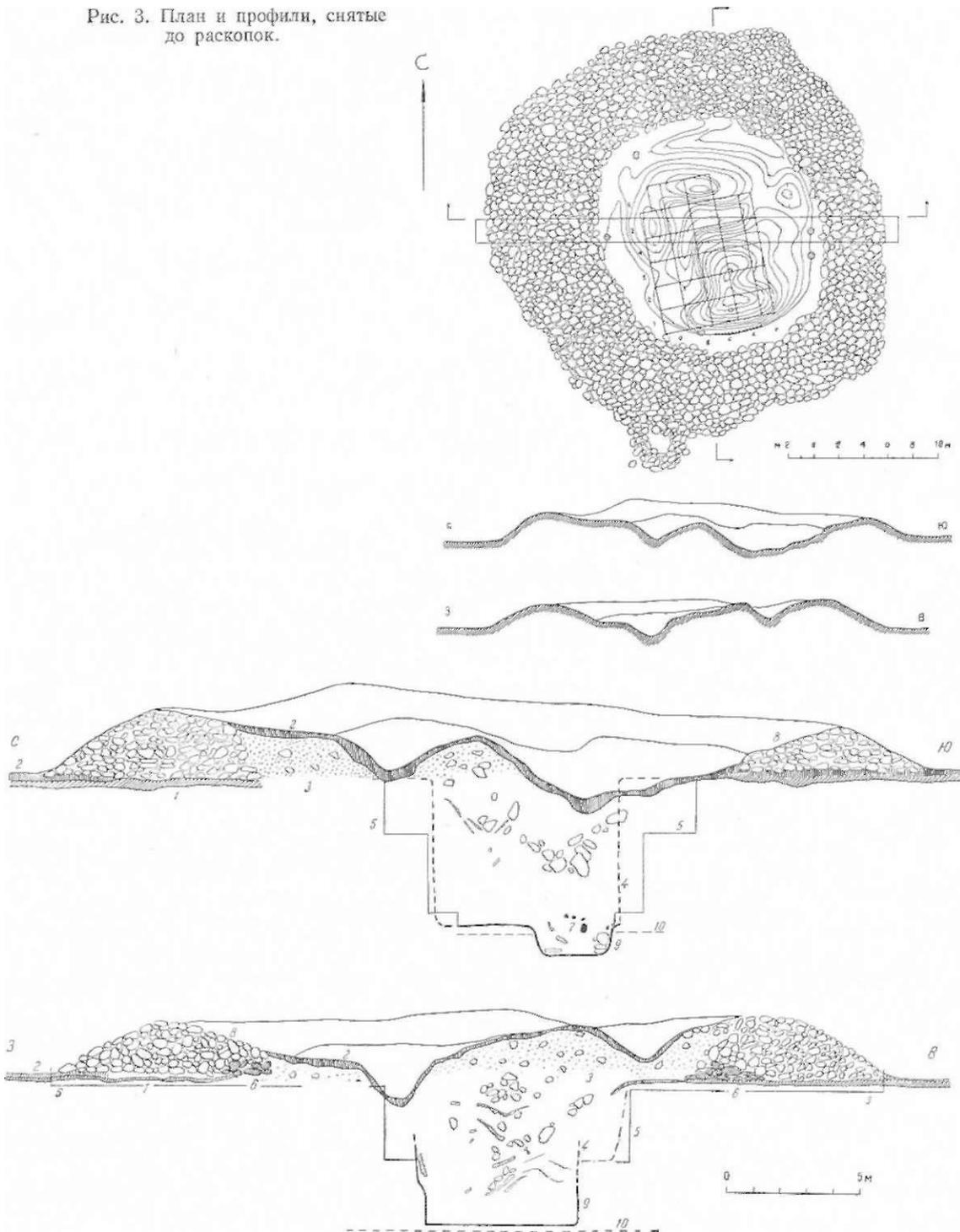

Рис. 4. Разрезы:

1 — древняя почва, 2 — современная почва, 3 — камни с песком, 4 — разрушенный край могильной ямы, 5 — граница раскопа, 6 — нетронутые камни первоначальной насыпи, 7 — пятна древесного тлена, 8 — перемещенная каменная наброска, 9 — не потревоженные границы могильной ямы, 10 — граница водоносного слоя.

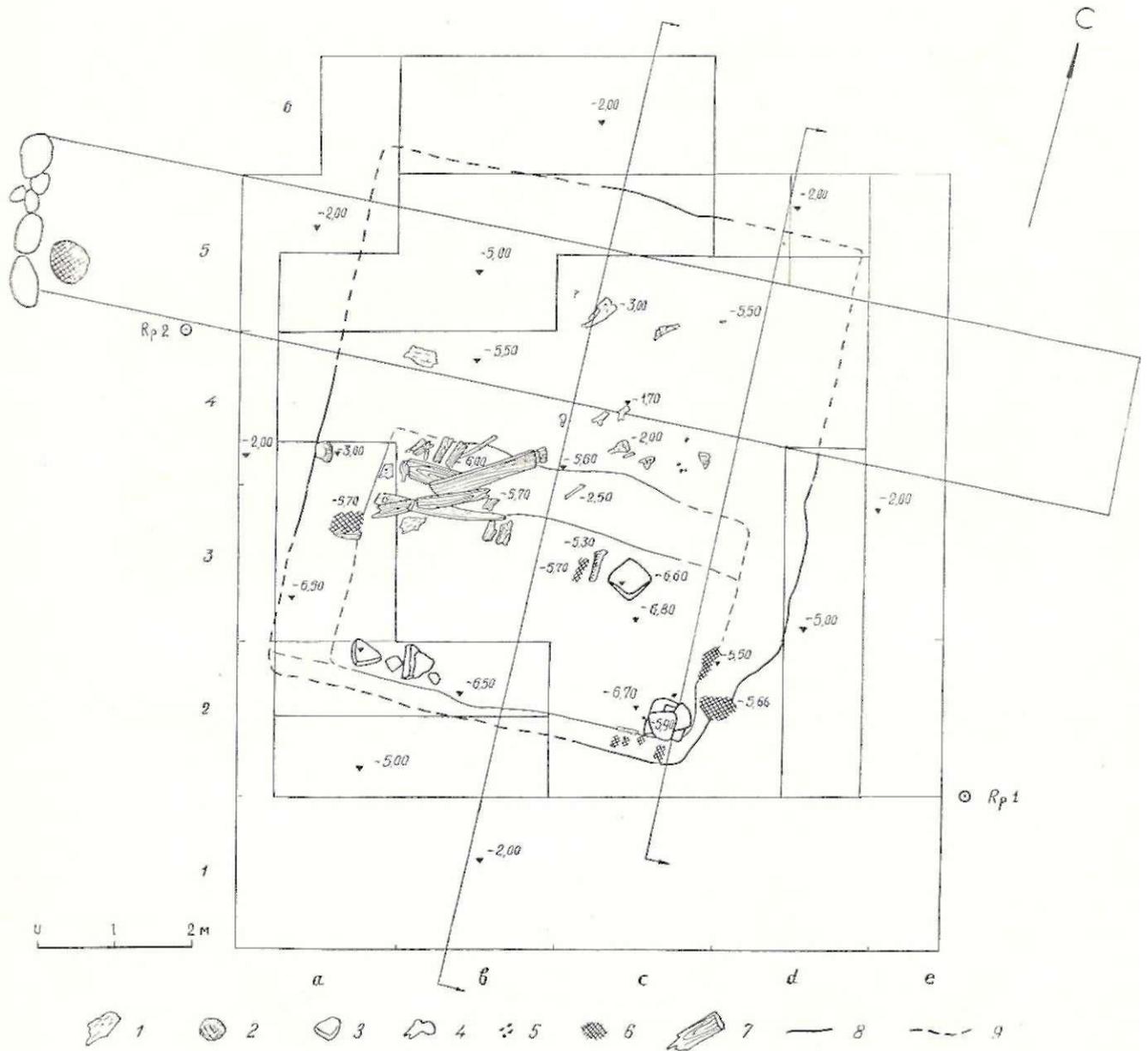

Рис. 5. Генеральный план раскопа:

1 — береста, 2 — остатки вертикального бревна, 3 — плоские камни, 4 — обломки костей, 5 — уголь, 6 — пятна древесного тлена, 7 — остатки камеры и колоды, 8 — неповрежденные границы могильной ямы, 9 — реконструируемые границы могильной ямы.

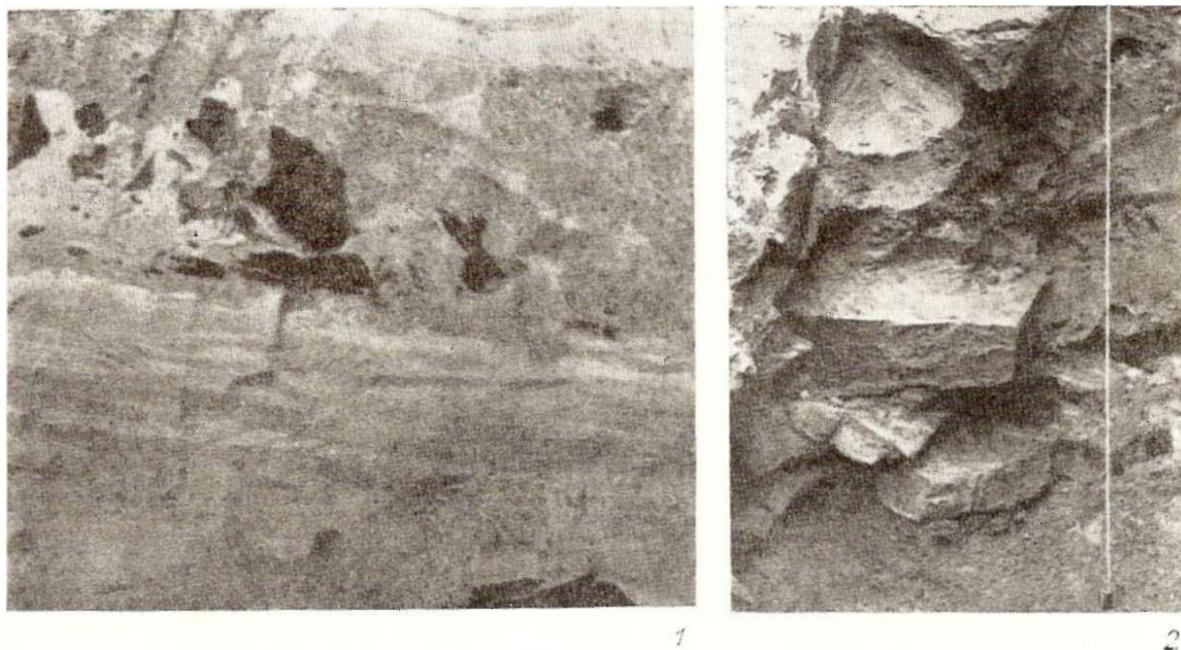

Рис. 6.

1 — пятна древесного тлена, 2 — каменный столбик.

В 1865 г., по свидетельству В. В. Радлова, каменная насыпь Большого Берельского кургана имела высоту в 5 м. Условно принимая ее за коническую, получаем, что при высоте в 5 м и объеме 1000 м^3 каменная наброска должна была иметь диаметр, равный приблизительно 28 м $|d = 2 \sqrt[3]{\frac{V}{\frac{1}{3} \pi h}} = 2 \sqrt[3]{\frac{9 \cdot 1000}{\pi \cdot 5}} \approx 28 \text{ м}$. По измерениям В. В. Радлова, диаметр наброски составлял 30 м, что мало отличается от величины, полученной нами по расчету и, следовательно, подтверждает правильность подсчета кубатуры камня, пошедшего на сооружение. Остатки древней непо потревоженной насыпи — камни, покрытые мхом, — показывают, что первоначальный диаметр кургана составлял 20 м. При объеме в 1000 м^3 высота кургана в древности, таким образом, составляла около 9 м, если он был конический $|d = 2 \sqrt[3]{\frac{V}{\frac{1}{3} \pi h}} = 2 \sqrt[3]{\frac{1000}{\frac{1}{3} \pi \cdot 9}} \approx 20 \text{ м}$; $p = \frac{d}{h} = \frac{20}{9} \approx 2,2$ (или немного ниже, если его стенки были крутые, а вершина плоская).

В описаниях В. В. Радлова сказано, что насыпь была сложена из чередовавшихся рядов круглых и граненых камней. Для устройства каменной конструкции были использованы крупные (диаметром до 40—60 см) камни — округлые валуны и гальки, взятые из русла Бухтармы — и плоский граненый жировик с восточных склонов долины. Трудно, даже невозможно, детально представить себе первоначальный облик надмогильного сооружения Большого Берельского кургана. Ясно, однако, что оно представляло собой не простую беспорядочную сферической формы наброску, но какое-то округлое в плане сооружение со сравнительно крутыми стенками из уложенных правильными рядами камней¹⁰.

При раскопках 1865 г. верхний край могильной ямы был нарушен. Поэтому решено было разбить сетку квадратов и по ней вести углубление до непо потревоженных краев могильной ямы. Яма, как установил В. В. Радлов, была ориентирована по сторонам света. В целях сокращения объема работ ориентировка сетки квадратов была сбита на 15° к западу

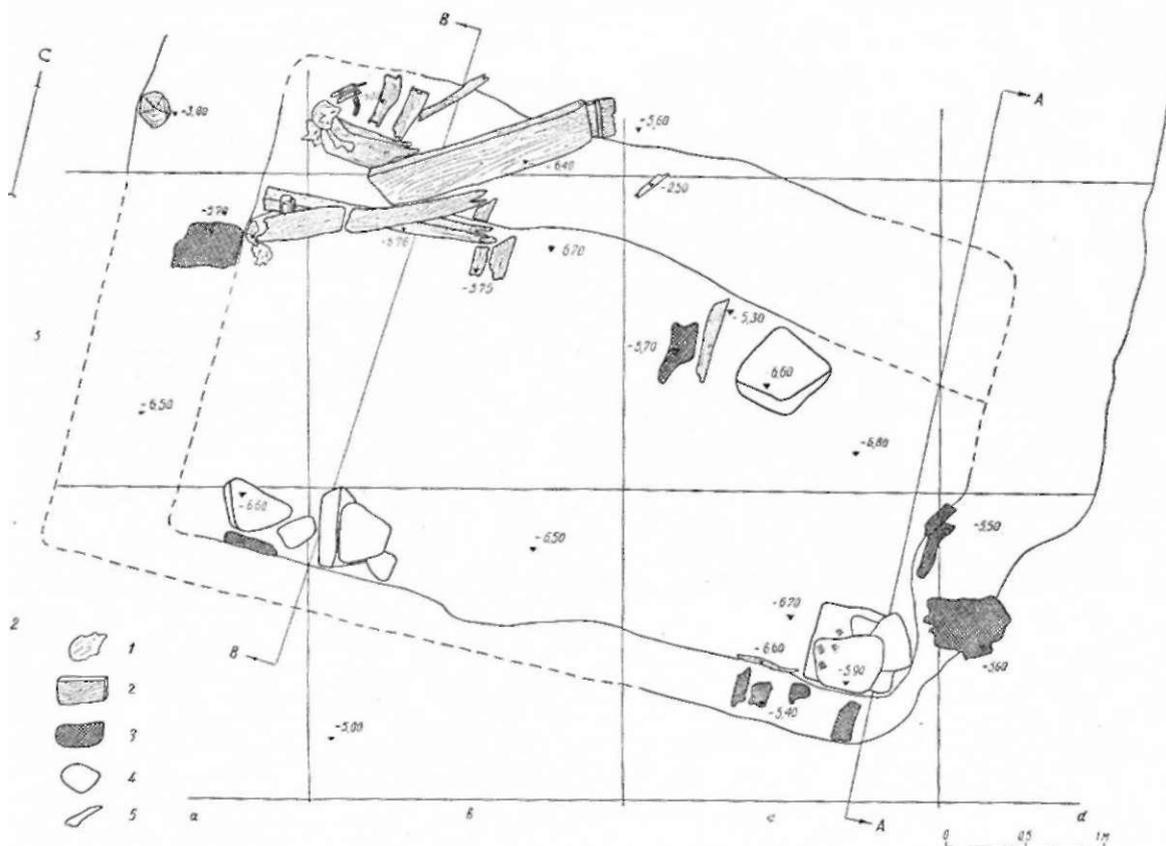

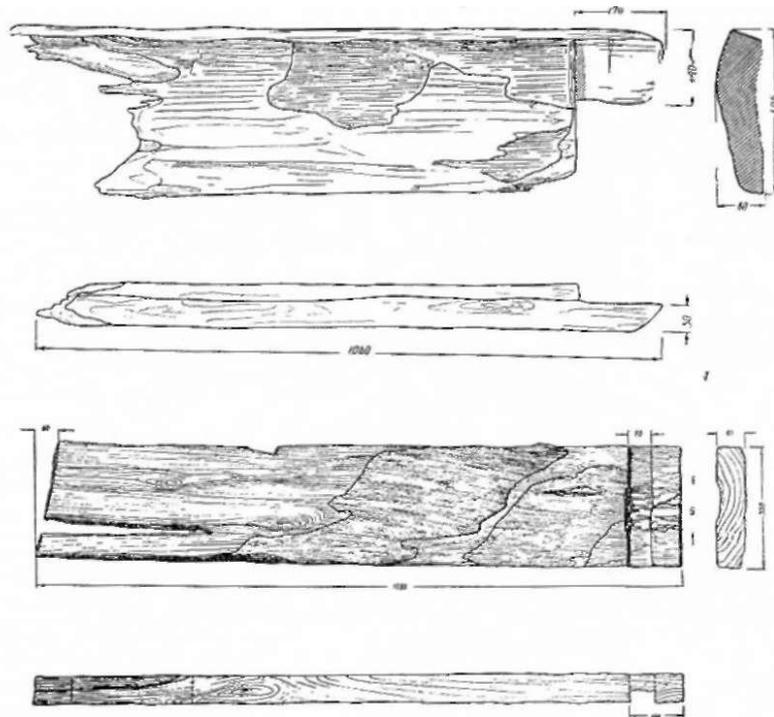
Рис. 7. План южной части раскопа:

1 — береста, 2 — дерево, 3 — древесный тлен, 4 — камни, 5 — кости.

от линии север — юг.³ Это впоследствии вполне себя оправдало: объем земляных работ удалось свести до 430 м³, что при ограниченности средств имело решающее значение, так как позволило осуществить полное доследование кургана за один сезон.

Разбивка на квадраты была произведена на отметке — 2,00 (за ноль принят горизонт древней почвы); размер квадратов 2 X 2 м. Никаких признаков границ могильной ямы на глубине двух метров не обнаружено. Дальнейшее углубление производилось уступами, начиная от южного края, на площади 58,5 м² (рис. 5). По всей площади раскопа в заполнении встречались мелкие обломки истлевшего дерева, целые и раздробленные лошадиные кости, мелкие угольки и обрывки бересты, часто многослойные. Грунт перемешанный: камни, желтый песок, коричневый глинистый песок, вкрапления чернозема (почва). Все это густо поросло мелкими и крупными корнями. В центральной части раскопа мелких углей больше чем по краям. Иногда попадаются обгоревшие с одного края куски листовенных бревешек размером 10—15 см. В северной части раскопа — целые лошадиные кости. На глубине около 5 м обозначилась восточная стенка могильной ямы (на протяжении около 4 м). Замечен также обрез южной стенки. В юго-восточном углу могильной ямы четко обозначаются пятна древесного тлена: одно большое на восточной стенке, приблизительно в 60 см от угла, и более мелкие — на южной стенке (рис. 6, /). На отметке — 5,50 в южной части могильной ямы дно углублено на расстояние 30—60 см от стенок. В самом юго-восточном крае углубления на отметке — 5,90 обнаружен горизонтально лежащий плоский камень.

Рис. 8.
1 — остатки надстройки колоды,
2 — тесаная доска.

2

Дальнейшее вскрытие показало, что в этом месте был сооружен столбик, сложенный из плит роговика (рис. 6, 2). Нижний камень столбика — на отметке $-6,70$ (размеры этого камня: $60 \times 60 \times 8$ см). На гранях камней, в трещинах и швах обнаружены остатки совершенно истлевшего дерева в виде мелкого темно-коричневого порошка. У самого дна ямы вдоль южной стенки — удлиненной формы пятно древесного тлена.

На квадрате 3с на отметке $-6,80$ обнаружен плоский подквадратной формы камень размером $50 \times 50 \times 10$ см — остаток северо-восточного столбика. На квадрате 2а, т.е. в юго-западном крае углубления, расчищен завал камней, по форме и размерам аналогичных тем, из которых составлен юго-восточный столбик: пять камней были обнаружены в таком положении, в каком они оказались бы, если бы первоначально были уложены один на другой, а затем упали на сторону. Нет сомнения, что тут находился столбик, аналогичный тому, который достаточно хорошо сохранился в юго-восточном углу ямы. Детальную расчистку юго-восточного столбика произвести не удалось: грунт в этом месте представлял собой сильно пропитанную водой песчанистую глину, оплывавшую под тяжестью вышележащих слоев земли. Контрольное заглубление у основания юго-западного столбика до отметки $-7,00$ показало, что на этой глубине почва при сооружении могилы не была тронута; таким образом, нами достигнуто дно могильной ямы и, следовательно, южная ее часть доследована полностью. Медленное, но постоянное оплывание стенок раскопа у дна и создающаяся при этом постоянная угроза больших обвалов заставили нас отказаться от намерения произвести полную зачистку могильной ямы с выбросом всего грунта. Северная граница углубления обозначилась на отметке $-5,60$ на расстоянии трех, а на отметке $-6,0$ на расстоянии двух с четвертью метров от южного края могильной ямы. Западная же граница была обнаружена лишь на небольшом протяжении в районе стыка квадратов 3а и 4а. Таким образом, было установлено, что углубление имело в плане форму прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии запад-восток и имеющего стороны 2 и 5 м (рис. 7).

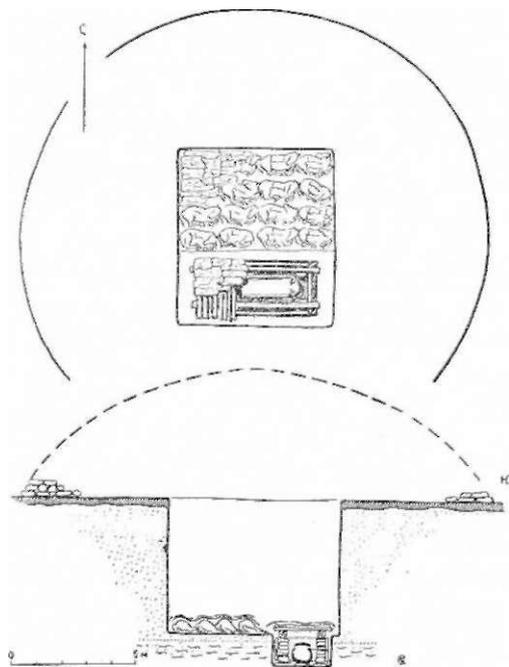

Рис. 9. Реконструктивный чертеж захоронения.

с одного конца и с вертикальным пазом у другого. Паз древнего происхождения; переруб сравнительно новый. Рядом с доской находился еще один большой кусок от верхней надстройки борта, закругленный снаружи у торца и имеющий паз по верхнему ребру. Рядом с этим обломком найдено много обрывков бересты, а также обломки от нетолстых бревешек, лежавших поперек могильной ямы, обломки прутьев и тонких жердей и куски истлевшего дерева. В расположении всего этого дерева системы не обнаружено. Это завал, оставленный В. В. Радловым: сюда были выброшены бревна перекрытия, толстые доски, из которых были сделаны стенки камеры, и обломки раздавленного, но в то время еще не истлевшего саркофага. В качестве образцов для анализов отобраны его наиболее хорошо сохранившиеся обломки и куски толстых тесаных досок с пазами (от камеры).

После обследования углубления была также тщательно зачищена его бровка. При этом на квадрате За, т. е. с запада, обнаружено пятно темно-коричневого древесного тлена, аналогичное пятну на квадрате 2а и являющееся остатком толстого бревна, некогда лежавшего вдоль углубления у северного его края на высоте около метра от дна (см. рис. 7).

Северная часть могильной ямы была доследована до отметки $-5,50$. На этой глубине перемешанное заполнение могильной ямы сменилось нетронутым грунтом. Граница дна нигде четко не определилась, лишь местами можно было наблюдать расплывчатую прослойку более темного, чем окружающий грунт, цвета, а также скопления некрупных камней, устилавших в свое время дно ямы.

Обломки лошадиных костей, мелкие угольки, обрывки бересты и куски гнилого дерева вблизи дна могильной ямы почти не встречались.

Как видно из сказанного выше, берельская коллекция в результате доследования Большого кургана вещами не пополнилась. Главным и положительным результатом раскопок 1959 г. являются вновь полученные дополнительные данные, касающиеся конструкции погребения, которую теперь можно представить себе с достаточной полнотой и точностью.

В северо-западном крае углубления обнаружены остатки деревянного сооружения, устроенного во время погребения. У самого дна вдоль северного обреза в положении *in situ* лежала толстая тесаная лиственничная доска. Один ее конец почти упирался в западную стенку углубления и на некотором расстоянии от края имел вертикальный паз, в котором сохранились остатки торца такой же тесницы, лежавшей вдоль западной стенки углубления. Несколько выше располагались остатки частей гробовища (рис. 7). Самый большой из них представлял собой изогнутую в поперечном сечении лиственничную тесницу со слегка скругленной снаружи и уступом стесанной изнутри торцовой частью; тесница имела более метра в длину и около 30 см в ширину. Это была часть борта, который крепился к цельнодолбленной части гробовища (рис. 8, 1). Сохранился украшенный по краю острыми зубчатыми вырезами кусок бересты, которой была оклеена торцовая часть этой колоды. Другие обломки гробовища сохранились значительно хуже; они распознавались или по выпуклому профилю, или по профилю и пазу для крышки на верхнем крае. Ближе к северному краю углубления лежала толстая тесаная лиственничная доска длиной 1,78 м (рис. 8, 2), грубо обрубленная наискось

Относительно устройства северной части могилы, в которой находились конские погребения, ничего дополнительного к тому, что сказано в отчетах В. В. Радлова, исследование 1959 г. не дало.

Для целей радио-углеродного анализа в Ленинградское отделение Института археологии доставлены образцы древесины из верхних горизонтов заполнения могильной ямы, где древнее дерево проросло свежими корнями, и из нижнего горизонта, куда корни деревьев не проникли. Собраны также образцы древнего обгорелого дерева. Для дендрологического анализа с западного и восточного склонов долины и с плато, на котором расположен могильник, взяты поперечные срезы восьми сваленных нами живых лиственниц.

РЕКОНСТРУКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХОРОНЕНИЯ

В результате исследования 1865 и 1959 гг. стало возможным реконструировать, правда в самых общих чертах, процесс сооружения Большого Берельского кургана.

На самом видном месте плато, там, где оно образует мыс, возвышающийся над низменной степью и рекой Бухтармой, недалеко от края, соплеменники расчистили большую ровную площадку. На ней, с соблюдением строгой ориентировки по сторонам горизонта и заранее определенных размеров (приблизительно 7 X 6 м; северная и южная стороны короткие) был размечен прямоугольник. После этого приступили к выемке грунта. Для переброски или выноски разрыхленной земли с северной стороны был сделан уступ. Стены ямы делались почти отвесными; характер грунта (плотная песчаная глина) вполне это позволял. В северном крае ямы дно было выровнено на глубине 5,5 м; в южной же выемка была продолжена до глубины 6,8—7 м. При этом образовалось углубление, которое нигде не примыкало вплотную к стенам могильной ямы — по всему его периметру оставалась берма, которая позволяла подходить к углублению с любой стороны.

Дно углубления оказалось на уровне, где пропитанная влагой песчаная материковая глина имела характер пльвуна. Вероятно, края углубления начали оплывать еще тогда, когда яму готовили для погребения. Этим могут быть объяснены детали конструкции погребального сооружения (рис. 9). Поскольку происходили оплывы, углубления нельзя было надолго оставить без крепления стенок, а также нельзя было перекрыть накатом из жердей или бревен, положенных прямо на грунт, — накат неминуемо развалил бы края ямы и осел прямо на крышку колоды. Недостаточно было также опереть перекрытие на переводы, положенные без какого-либо дополнительного крепления опоры на западный и восточный края углубления вдоль его северной и южной стенок. Плывущий грунт не позволил ограничиться такой конструкцией, и внутри камеры по ее углам из плоских квадратных или подквадратной формы камней были сооружены столбики, которые и послужили падежной опорой для балок, поддерживающих перекрытие. Трудно сказать, почему для опоры этих переводов не были поставлены бревенчатые подпорки, как это сделано в камерах больших курганов с каменными насыпями в Горном Алтае. Возможно, что причина заключается опять же в характере грунта, достаточно плотного в непо потревоженном состоянии, но при нарушении превращающегося в пльвун.

Для камеры заранее заготовили толстые лиственничные тесаные доски двух размеров: длинные для северной и южной сторон и короткие для восточной и западной. Размеры углубления и этих тесниц были согласованы. У концов длинных досок предварительно выдолбили поперечные пазы, по ширине соответствующие толщине коротких досок. Затем длинные доски были поставлены на ребро одна на другую вплотную к северной и южной стенкам углубления и закреплены в таком положении короткими досками, забитыми в распор в пазы длинных. Материал для перекрытия камеры — длинные толстые бревна, короткие нетолстые бревешки и полотнища бересты и, возможно, лиственничной коры — был также заготовлен заранее. Когда пришло время закрывать камеру, то сначала два длинных бревна-перевода уложили вдоль на каменные столбики, сложенные в углах камеры, а затем на них устроили накат из бревен, который закрыли берестяными полотнищами.

"к

ЩО

Рис. 10. Бронзовые фигурки с крышки саркофага-

Рис. П. Бронзовые фигурки с крышки саркофага- колоды.

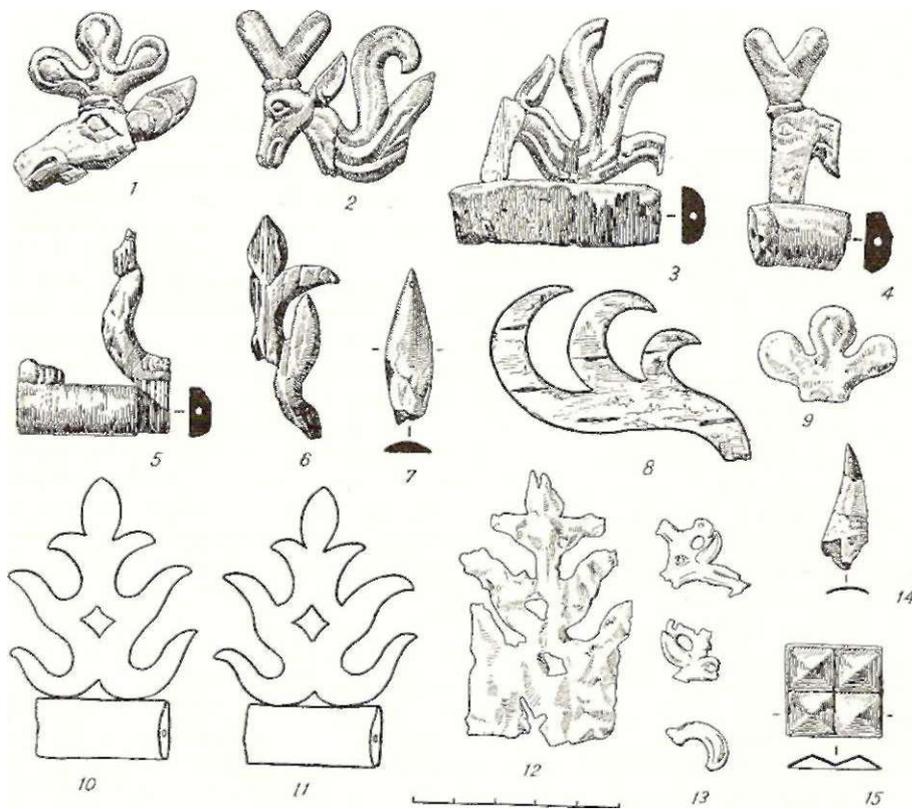

Рис. 12. Украшения лошадиной сбруи:

В то время как одни члены рода (или племени) рыли могилу и строили камеру, другие, видимо, опытные мастера делали саркофаг-колоду. Из расколотого пополам толстого (более метра в диаметре) ствола свежей лиственницы, срубленной, скорее всего, где-то вблизи места захоронения, была выдолблена колода с выпуклыми по форме ствола боками и со слегка закругленными торцами. К ее бокам приладили две тесаные слегка вогнутые доски со скошенными внутрь верхними кантами. Концы этих досок имели вырубленные с внутренней стороны пазы для укрепления в них торцовых надстроек саркофага-колоды, изготовленных отдельно. Крышка тоже была выдолблена из ствола лиственницы, расколотого вдоль. Снаружи саркофаг покрыли берестой, положенной на торцах в несколько слоев. Края некоторых полотнищ предварительно вырезали зубцами. На крышке укрепили четыре бронзовые фантастические птицы.

Картина похорон не реконструируется полностью. Колоду с покойником поместили в камеру. Умерший, безусловно, был положен в богатой одежде, украшенной различными нашивками, покрытыми золотой фольгой. Осталось неизвестным, имелось ли сопровождающее погребение¹². Где-то рядом с колодой положили одну убитую лошадь¹³, а к северу от камеры еще шестнадцать лошадей. На лошадях были надеты седла с различными берестяными украшениями и кожаные уздечки с железными удилами, украшенные фигурными деревянными бляшками, покрытыми золотой фольгой. Всех лошадей убили наверху. Их трупы положили на берестяную подкладку и перекрыли в несколько слоев большими полотнищами бересты. Наиболее пышными были уборы лошадей, положенных ближе к востоку. Соблюдался определенный порядок: трупы уложили в четыре ряда по четыре лошади в каждом ряду.

Во время похорон в камере зажигали огонь. Поверх наката и берестяного покрытия ровень с дневной поверхностью был насыпан грунт, вынутый ранее из ямы. На разровненной затем площадке устроили круглое в плане сооружение из плоских граненых камней, привезенных с гор, и крупной гальки, взятой в реке, уложенных рядами в какой-то системе.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК¹⁴

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЯМА

Точное местонахождение отдельных предметов В. В. Радловым не зафиксировано. Это сделано только в отношении тех вещей, которые найдены в 1959 г.

Обломок бревна (возможно перевода; 1959), 43 X Ю ^{см} > сильно истлевший. Найден в вертикальном положении у середины западной стенки могильной ямы на глубине 3 м. ИА

Три обломка бревен или плах, сильно истлевшие. Найдены в центральной части могильной ямы на глубине 3—4 м. ИА

Тесаный брус пазом (часть долевого стенки камеры). 1,78 X 0,35 X 0,08 м. Один конец отпилен немного наискось, видимо, при раскопках 1865 г. У другого конца в 10 см от края вырублен на всю ширину поперечный паз глубиной 4 см и шириной 7 см. Найден в наклонном положении у верхнего края северной стенки углубления, в котором помещалась камера. Сохранность плохая. Передан в Усть-Каменогорский музей (см. рис. 8, 2)

Обрывки многослойного берестяного покрытая камеры и конских погребений. ИА

Остатки поддерживающих перекрытие каменных столбиков, сложенных из плоских граненых камней размером до 50 см. Оставлены на месте.

САРКОФАГ

Обломок надстройки борта колоды. 108 x 30,5 X & см. Представляет собой слегка выгнутую толстую тесаную доску (брус), у которой верхняя кромка срезана несколько наискось и имеет неглубокий долевой паз. Один конец слегка закруглен и образует как бы торцовый шип. Сохранность плохая. ИА (рис. 8, 1)

То же. 35 X 18 см; очень сильно истлел. ИА

То же. 20 X 17 см; верхний край со скошенным долевым пазом хорошо сохранился. ИА

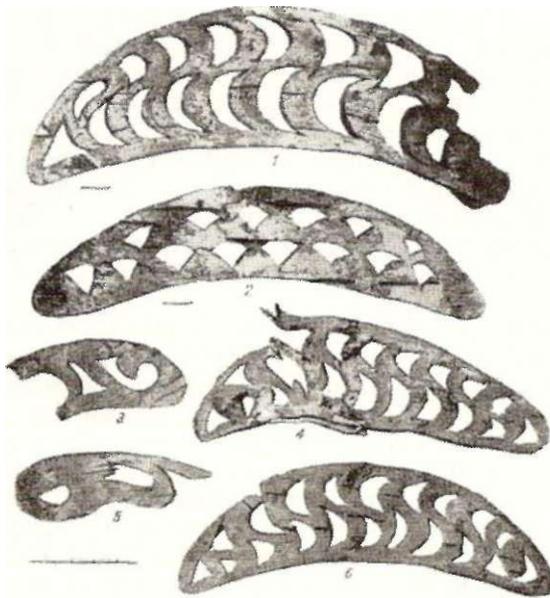

Рис. 13. Берестяные украшения от чепраков или седел.

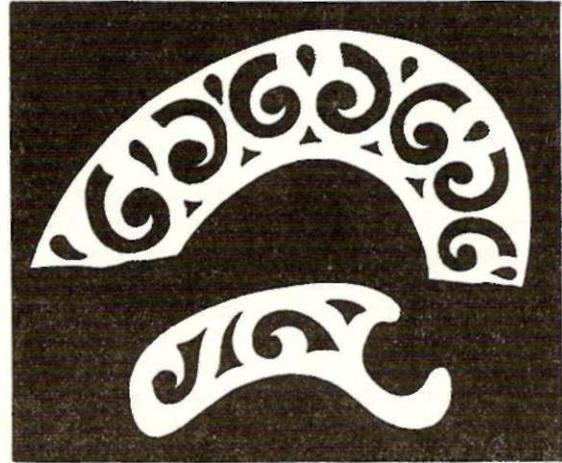

Рис. 14. Берестяные украшения от чепраков или седел (из альбома В. В. Радлова).

Обрывки берестяного покрытия торцевой части саркофага. Кромка одного из кусков вырезана длинными острыми треугольными зубьями. ИА

Перечисленные выше остатки саркофага найдены в полном беспорядке в северо-западном крае углубления, где помещалась камера (1959 г.). Кроме них, по всему углублению, преимущественно в том же северо-западном крае, встречалось большое количество совершенно истлевшего дерева и мелкие обрывки бересты.

Четыре бронзовые фигурки фантастических птиц (Р 96 — 99; РМ 3467; ГИМ 54756).

1. Тело птицы небольшое; голова грифона: на лбу слегка загнутый назад рог, оттопыренные в стороны тупые уши, глаза слегка продолговатые, скорее похожие на глаза какого-либо копытного животного, а не на птичьи; клюв большой, массивный, загнутый вниз; крылья распластаны (первоначальное их положение установить нельзя, так как они были отломаны, а затем неаккуратно прикреплены). В плане каждое крыло изогнуто S-образно; маховые перья показаны двумя бороздками; хвост горизонтальный, короткий; длинные перья на нем показаны также бороздками. Лапы массивные, грубо моделированные. Они прикреплены к основанию, имеющему форму диска диаметром около 7 см. С нижней стороны к диску прикреплен незаостренный штырь, прямоугольный в сечении. Фигурка отлита в двусторчатой форме. Литейный шов проходит по середине хвоста, через хребет и середину груди. Диск и штырь отлиты отдельно. Все три части сварены. Изделие после литья подверглось доработке: лишний металл по шву срублен, и поверхность туловища местами слегка прокована. Все изделие сделано без особого тщания и в целом выглядит грубым. Общая высота фигурки со штырем 16,5 см (рис. 10, 1).

2. Такая же фигурка; штырь короче и у диска расширяется. Общая высота 13,8 см (рис. 11, 1).

3. То же, поверхность грубая, шероховатая; штырь длиной около 1 см. Общий размер 11,5 см (рис. 11, 2).

4. То же, лапы и часть штыря утрачены (рис. 10, 2).

Фигурки были прикреплены по углам крышки саркофага «с каждой стороны по одной птине с поднятыми и по одной с опущенными крыльями», как пишет В. В. Радлов¹⁵.

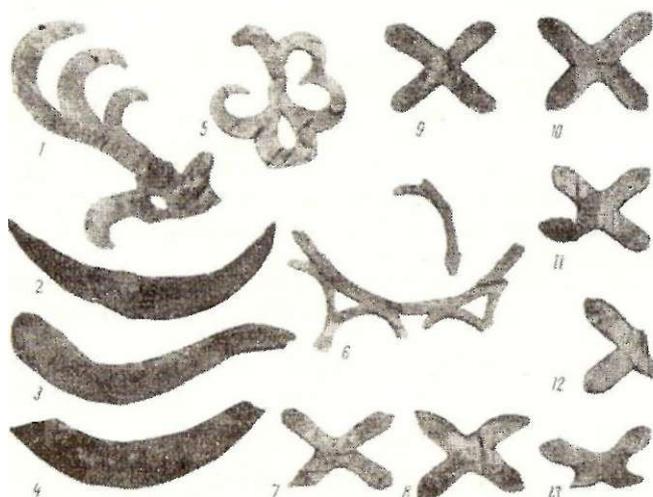

Рис. 15. Берестяные украшения.

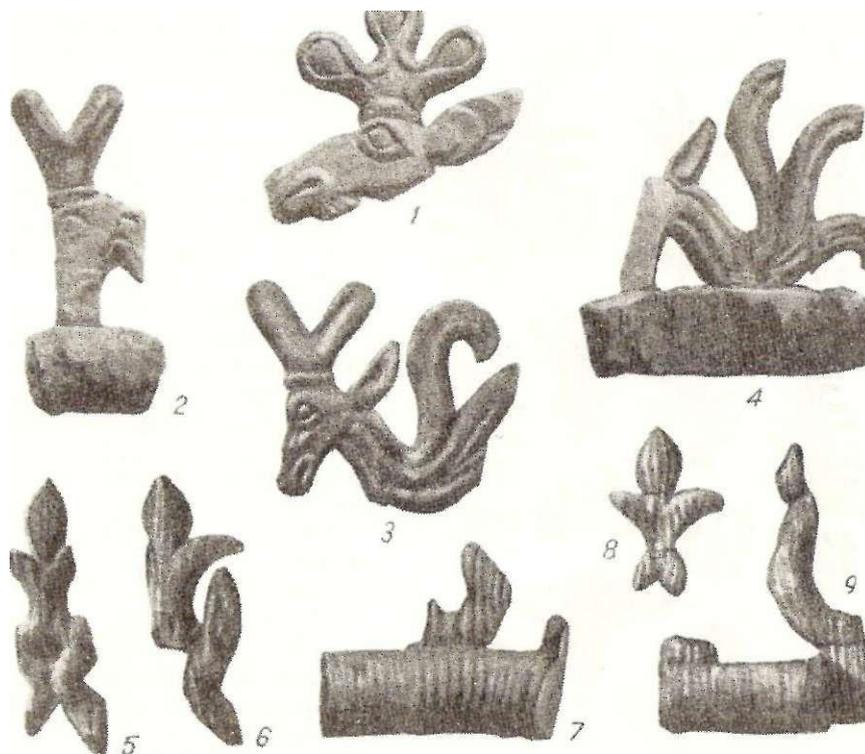

Рис. 16. Деревянные украшения узды.

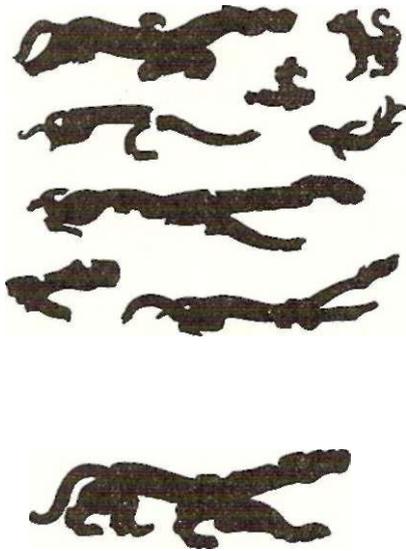

Рис. 17. Золотая фольга из Берельских курганов (из альбома В. В. Радлова).

Рис. 18. Золотая фольга из Берельских курганов (из альбома В. В. Радлова).

ПОГРЕБЕНИЕ

Разрозненные кости человеческого скелета (1865): несколько ребер, кости рук и йог в положении поперек могилы. Кости рук находились под северным ее краем. Оставлены на месте.

Медные бляшки, покрытые золотой фольгой (1865; Р 101, РМ 3456;). Семь из них квадратные 2,3 X 2,3 см, поверхность их граненая; по углам по четыре отверстия для прикрепления к ткани или коже. Две имеют эллиптическую с заостренными концами форму: у заостренных имеются отверстия, такие же, как у квадратных бляшек (рис. 12, 7, 14, 15).

Уголь и зола в юго-западном углу могильной ямы на уровне человеческого скелета (1865); оставлены на месте.

Скелет лошади, совершенно истлевший. Найден непосредственно под перекрытием камеры (1865); оставлен на месте.

КОНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ

Скелеты лошадей. Лежали головами на восток по четыре в ряд в северной части могилы под многослойным берестяным покрытием. При раскопках 1865 г. ни одна кость от этих скелетов взята не была. В 1959 г. небольшое количество конских костей (обломки черепов, бедренные кости, метатарзальные и метакорпальные кости, бабки и некоторые другие; большая часть в обломках) передано в Ленинградское отделение Института археологии. Видимо, это кости упомянутых шестнадцати лошадей, но, может быть, сюда попали также части конского скелета впускного погребения.

Обломки железных удил. Найденны при конских костяках первых двух рядов (считая с востока). Утрачены.

Украшения из бересты от седел и чепраков (1865; Р 100, РМ 3464; ГИМ 54660). Три резных украшения в форме полумесяца с прорезями в виде скобок, расположенных в два ряда. В одном ряду скобки обращены вправо, в другом — влево; у концов по одной треугольной прорези. Имеются специальные отверстия для крепления. Размеры этих изделий около 17 X 5 см (рис. 13, 1, 4, 6).

Такой же формы украшения, но с прорезями, имеющими очертания секторов со слегка вогнутыми боковыми сторонами. 16 X 3,2 см (рис. 13, 2).

Обрывки аналогичных украшений (рис. 13, 3, 5 и рис. 14).

Семь украшений в форме креста со слегка расширяющимися и закругленными концами (рис. 15, 7—13).

Три куса бересты серповидной формы (длина по хорде 8—9 см, рис. 15, 2—4).

Украшения в виде стилизованной головы оленя или оленевидного грифона. (1865, ГИМ). Рог в виде ствола с тремя загибающимися назад отростками, ухо высокое, закругленное; морда в виде орлиного клюва. 9 см (рис. 12, 8 и 15, 1).

Украшение в виде розетки, образованной заостренными завитками. 4 см (рис. 15, 5).

Украшение с прорезными овалами и треугольниками (рис. 15, 6)

Украшения, вырезанные из кедра или лиственницы (1865; Р 100, РМ 3463; ГИМ 54660).

1. Голова оленя или лося. Морда вытянутая, похожая на лосиную, но нижняя губа не отвислая, хотя и мясистая. Большое торчащее назад ухо. Рога в виде трех отростков с перехватами у основания 4,8 см (рис. 12, 1 и рис. 16, 1).

2. Три похожих одно на другое украшения в виде фантастического чудовища с головой оленя (рога в виде коротких отростков, закругленных на концах) и небольшим телом с двумя поднятыми крыльями. Фигурки прикреплены к планкам, имеющим отверстия. От одной фигурки сохранилась голова без уха и часть планки; у другой утрачены рога и повреждена морда; у третьей утрачена часть крыла, хвост и планка (см. рис. 12, 2—4 и рис. 16, 2—4).

3. Двадцать один обломок от деревянных резных украшений: завитки, растительные ветви, напоминающие пальметки и др. (см. рис. 12, 5, 6, 10, 11 и рис. 16, 5—9).

Все украшения из дерева и бересты, как сообщает В. В. Радлов, найдены вместе с конскими костяками двух восточных рядов.

Золотая фольга, покрывавшая украшения из дерева и бересты (рис. 12, 9, 12 и рис. 17—19).

Обломки бронзовой прорезной нашивной пластинки с зооморфным изображением в виде голов оленя или лося. Место находки этих обломков неизвестно (1865; ГИМ; рис. 12, 13).

Рис. 19. Золотая фольга из Берельских курганов (из альбома В. В. Радлова).

ВПУСКНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Скелет лошади. При раскопках 1865 г. взят не был. Вполне возможно, что некоторые лошадиные кости, взятые при раскопках 1959 г., принадлежат этому скелету.

Железные удила (в каталоге РМ они не значатся). Найдены при скелете лошади. Утрачены.

Два железных стремени (опись В. В. Радлова, №96; в каталоге РМ не значатся). Найдены при скелете лошади. Утрачены.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. ВОЗРАСТ

Большой Берельский курган в археологическом отношении принадлежит к той культуре, которая в наиболее яркой форме представлена горноалтайскими курганами с большими каменными насыпями: пазырыкской группой, туэктинскими и др.

Район расположения Берельского могильника отделен от Горного Алтая Катунскими Белками — труднопроходимым снеговым горным хребтом, протянувшимся в широтном направлении. Прямое сообщение через этот хребет почти невозможно, но верховые дороги в обход Катунских Белков, — с запада по долине верхнего течения Катуни и с востока через верховья Бухтармы к верховьям Аргута, — вполне удобны весной, осенью и в особенности летом.

От Берельского плато до Катанды (пункта, в котором расположены ближайшие большие алтайские курганы с каменными насыпями) по прямой не более 100 км; обходный путь составляет около 200 км. Всадник может проехать это расстояние за четыре — пять дней, а при необходимости значительно быстрее.

К середине I тысячелетия до н. э., т. е. к тому времени, когда центрально-азиатские племена полностью освоили специализированное кочевое скотоводческое хозяйство, горные хребты перестали играть роль непроходимых разобщающих рубежей. Напротив, часто они становились связующими звеньями, так как оказывались в середине обособленной хозяйственной зоны и как бы сближали те скотоводческие и охотничьи угодья, которые лежали на их противоположных склонах. Именно эта причина объясняет нам близость берельского материала к горноалтайскому, сложившуюся, видимо, еще в более раннее время.

В большинстве своем материал из берельских курганов почти идентичен тому, который характерен для ранних кочевников Алтая. Различия не выходят за пределы, ограничивающие одну культуру.

Как известно, население Горного Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. хоронило своих богатых и знатных соплеменников в саркофагах-колодах, поставленных в бревенчатые срубы с двойными или одинарными стенками. Для опоры защитного наката часто применялась столбовая конструкция. Берельский саркофаг несколько отличен от пазырыкских и других горноалтайских. Однако различия не принципиальны. Надмогильные сооружения в Горном Алтае были сложены из больших камней с кругами и оградками у основания. В Большом Берельском кургане горноалтайским срубам соответствует камера, устроенная из плах в распор, а деревянные столбы, поддерживающие переводы, заменены стульями, сложенными из плоских камней. Убитые при погребении и для погребения лошади в Большом Берельском кургане уложены в северном крае ямы и перекрыты несколькими слоями бересты. В курганах Горного Алтая для захоронения лошадей, также как правило, отводилась часть ямы к северу от камеры, и трупы лошадей также укрывали чем-либо и старались положить в определенном порядке¹⁶.

Что касается вещей, найденных в Большом и других берельских курганах, то все они без исключения находят прямые параллели в материале из горноалтайских курганов ранних кочевников. Они сделаны в том же стиле, из тех же материалов, в том же ассортименте и для тех же целей, что пазырыкские, башадарские, туэктинские и др.

В той части Большого Берельского кургана, в которой были похоронены лошади, найдены ажурные седельные украшения из бересты. По форме и общему характеру рисунка они аналогичны кожаным аппликациям седельных подушек из Первого Пазырыкского кургана¹⁷, а также покрытому оловянной фольгой кожаному украшению с переднего валика седла из Второго Пазырыкского кургана¹⁸. Правда, рисунок пазырыкских аппликаций богаче (здесь встречаются треугольники, лунки, волюты и другие элементы, взятые в сложных ритмических сочетаниях), а для берельских нашивок более характерен простой узор (лунки или треугольники, расположенные в два ряда по кривой), но различие следует, видимо, объяснить тем, что берельский курган меньше и, соответственно, беднее больших горноалтайских.

В берестяном берельском украшении, вырезанном в форме стилизованного симметричного растительного узора, повторяется мотив рисунка деревянных украшений узды из Третьего Туэктинского кургана¹⁹. Он напоминает также орнамент на подошвах женских полусапожек из Второго Пазырыкского кургана²⁰. Неоригинальна и форма берельских нашивных украшений в виде косых крестов с округлыми или со слегка заостренными концами. Они аналогичны покрытым золотой фольгой деревянным украшениям, нашитым на покрышку и переднюю луку седла из Второго Башадарского кургана²¹. Некоторые кожаные украшения седельных ремней из Первого Пазырыкского кургана тоже похожи на берельские косые кресты²².

Другие украшения конской упряжи, найденные в Большом Берельском кургане, также находят аналогии в материале из больших горноалтайских курганов. Берельские украшения, вырезанные в форме фантастического животного с головой копытного и с телом птицы, по общему облику и по назначению сходны с деревянными украшениями конской сбруи из туэктинских курганов²³. Берельская голова дикого копытного животного с трефовидными рогами-коронай также имеет многочисленные аналогии в туэктинском материале²⁴. Система крепления к ремню одинакова для берельских и горноалтайских уздечных бляшек. Орнаментальная часть каждой бляшки составляет одно целое с основанием, имеющим форму полукруглой в сечении планки со сверлинами для крепления к уздечному ремню.

Среди вещей из Большого Берельского кургана имеются квадратные граненые бляшки: из листовой меди, покрытые с лицевой стороны золотой фольгой, совершенно аналогичные катандинским.

Четыре бронзовые фигурки фантастических птиц из Большого Берельского кургана, несмотря на всю их оригинальность, все же находят близкие параллели в материале памятников ранних кочевников Алтая. Напомним изображения деревянных грифонов с кожаными ушами и крыльями (Второй Пазырыкский курган). Это сходство уже было отмечено С. И. Руденко²⁵. Тематическими параллелями берельским изображениям фантастических птиц являются, как считает С. И. Руденко, также уздечные бляшки в виде орлов из Первого Туэктинского кургана²⁶.

До сих пор почти не привлекали к себе внимания мелкие обломки берельской ажурной бляшки, выполненной из тонкой листовой меди. Видны реалистически выполненные глаза, уши и начала рогов животных. Стиль изображений тот же²⁷, в котором выполнена хорошо сохранившаяся пластинка из Второго Туэктинского кургана²⁸ и такая же, но худшей сохранности пластинка из Второго Пазырыкского кургана²⁸.

Особое внимание следует обратить на навершие рукоятки кинжала и на форму ручки ножа из второго кургана предгорной группы Берельского могильника. Обращенные друг к другу головы грифонов, венчающие рукоять кинжала, и петелька на конце рукоятки ножа находят многочисленные параллели в материале Минусинской котловины и среди вещей Бийского могильника²⁹. Берельское навершие рукоятки кинжала аналогично также кумуртукскому³⁰.

Привезенный материал позволяет сделать заключение, что в художественном отношении вещи из курганов Берельского могильника в большинстве своем аналогичны, а в некоторых случаях тождественны горноалтайским. Некоторые из них восходят к более ранним типам, распространенным в Минусинской котловине.

Как известно, ареал культуры пазырыкского типа не ограничивается только Горным Алтаем, но распространяется на Туву и, что становится все более очевидным, также и на Южный Алтай.

Что касается возраста Большого Берельского кургана, то судя по археологическим параллелям, он совпадает с возрастом больших горноалтайских курганов. От уточнения даты пока следует воздержаться.

ХОЗЯЙСТВО. БЫТ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Раскопки Берельского могильника и исследование Большого Берельского кургана дали важный дополнительный материал для суждения о хозяйстве, быте и мировоззрении ранних кочевников Алтая и ближайших соседних с ним территорий³¹.

Природные условия района, в котором расположен Берельский могильник, не претерпели сколько-нибудь существенных изменений за последние две-три тысячи лет. Поэтому современные климатические характеристики вполне можно относить ко второй половине I тысячелетия до н.э.

В районе Катон-Карагая, т. е. на 60—70 км ниже по Бухтарме от Берельской степи, снег в долинах иногда задерживается до двадцатых чисел мая, последние весенние заморозки бывают в конце мая, а первые осенние—во второй половине августа³². Летом и осенью выпадает много осадков. Эти условия благоприятны для лесной и луговой растительности, но не подходят для выращивания злаковых культур, в особенности при низком развитии сельскохозяйственной техники.

Тайга, в которой преобладает лиственница, местами сплошь покрывает склоны гор. Там, где склоны становятся положе, темные древесные заросли сменяются лесами паркового характера, в которых вековые лиственницы, не стесненные соседними деревьями, разрастаются на плодородной, богатой влагой почве до таких размеров, что их высокие прямые стволы с мощными раскидистыми ветвями, каждая из которых могла бы быть самостоятельным деревом, внизу у корня достигают более полутора метров в поперечнике. Именно из таких свободно растущих деревьев делались цельнодолбленные колоды-саркофаги, характерные для больших алтайских курганов времени ранних кочевников.

Южноалтайская почва и климат очень благоприятны для произрастания трав, которые местами достигают человеческого роста. На открытых солнечных лужайках в изобилии растет клубника. Узкие влажные ущелья зарастают кустами красной и черной смородины. Зима суровая; снеговой покров неравномерен. Там, где он неглубок, копытные животные находят себе подножный корм в течение всей зимы.

Реки Южного Алтая богаты рыбой, ловля которой не представляет большого труда даже при пользовании самыми примитивными рыболовными снастями.

Совершенно естественно, что в таких природных условиях долины и горные склоны Южного Алтая издревле использовались обитавшими здесь людьми для охоты, рыбной ловли, разведения скота, что земледелие здесь не могло получить в древности сколько-нибудь широкого развития.

Судя по всем данным, в конце I тысячелетия до н.э. основным занятием южноалтайского населения было скотоводство, получившее здесь широкое распространение в еще более раннее время. Конь занимал особо важное место в хозяйстве и быту. Без верхового коня в условиях горного бездорожья и характерного для Южного Алтая высотравья невозможно было обойтись. Конь, по представлениям того времени, должен был сопровождать умершего в загробный мир. Материалы Большого Берельского кургана дают в этом отношении прямые и бесспорные свидетельства. По собранным в 1959 г. остаткам костяков можно судить о том, что лошади были крупной породы. Они походили на тех, которые похоронены в пазырыкских курганах. В других берельских курганах, синхронных Большому, также похоронены крупные лошади. Стремян еще не знали. Железные шарнирные удила были хорошо известны и являлись необходимой частью конской узда³³. Разведение мелкого рогатого скота безусловно играло важную роль в хозяйстве; это хорошо документируется материалом из других алтайских курганов³⁴.

О занятии населения охотой в берельском материале нет прямых свидетельств. Но охота, судя по природным условиям и общему характеру жизни, должна была быть распространена³⁵. Дикое копытное животное были очень хорошо известны ранним кочевникам Южного Алтая как предметы охоты. Об этом можно судить хотя бы по вырезанному из дерева изображению дикого копытного животного и по остаткам бронзовой прорезной пластинки, на которых сохранилось изображение уха и глаза оленя. И деревянное, и бронзовое изо-

Сражения сделаны с таким превосходным знанием природы, какое мог приобрести только охотник.

Судя опять же по природным, а также по этнографическим данным, население Южного Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. употребляло в пищу ягоды (клубнику, землянику, черную и красную смородину) и съедобные корни³⁶.

Занятия скотоводством, охотой и собирательством не могли стимулировать в Южном Алтае прочную оседлость, хотя постоянные зимние жилища безусловно существовали. Устройство погребальной камеры Большого Берельского кургана показывает, что плотницкое дело было хорошо развито. Вероятно, ранние кочевники Южного Алтая, подобно своим ближайшим соседям-родственникам за Катунскими Белками³⁷, строили деревянные жилища прямоугольной формы, по-видимому, с плоской бревенчатой крышей, покрытой берестой и дерном.

Этнографические свидетельства недавнего прошлого позволяют предположить, что ранние кочевники Южного Алтая наряду с постоянными жилищами пользовались также временными сделанными из жердей и полотнищ коры. Широкое использование бересты при устройстве погребального сооружения Большого Берельского кургана вполне оправдывает это предположение.

Таким образом, имеющийся в настоящее время материал свидетельствует о том, что во второй половине I тысячелетия до н. э. население Южного Алтая вело скотоводческое хозяйство, в котором важную подсобную роль играли охота, собирательство и, видимо, рыболовство. Достоверно устанавливается факт разведения лошадей и овец.

Быт отличался подвижностью. Далекие перекочевки не предпринимались. Передвижения: (кроме военных походов), видимо, замыкались в пределах, определяемых географическими условиями и характером родственной и хозяйственной организации.

Для характеристики мировоззрения ранних кочевников Южного Алтая берельские курганы дали весьма интересный материал, позволяющий сделать как общие, так, в ряде случаев, и конкретные заключения, опирающиеся на данные этнографии.

Этнография, в частности, дает примеры, позволяющие подойти к решению вопроса о смысле каменного сооружения (наброска, кладка или какое-либо иное устройство) алтайских курганов времени ранних кочевников.

До последнего времени у телеутов сохранились представления о том, что живые должны оберегаться от умершего. С целью охранить себя от всякой беды духу умершего нужно делать приятное (например, снабжать его необходимыми вещами), а также применять предупредительные меры против возможных козней с его стороны. К одной из таких мер относится, как пишет А. В. Анохин, следующая: «После похорон в доме, где лежал покойник, телеуты жгут куделю, а потом кладут камень. По истечении семи дней камень уносят на могилу. Этим выражается такая мысль: пусть узут («покойник», дух умершего. — С. С.) так же лежит, как камень, и не уходит с могилы, как не может уйти камень»³⁸.

Выбор предмета для преграждения пути узут'у — именно камня — не случаен. По понятиям телеутов, человек, скот, звери, птицы, гады, трава, лес — имеют тын, душу. Камень же тына не имеет и поэтому неподвижен. Если им преградить путь или закрыть выход, то дорога будет навсегда непроходима. Это этнографическое свидетельство в какой-то мере помогает угадать причину, которая заставляла ранних скотоводов-кочевников Алтая воздвигать над могилами каменные сооружения, иногда грандиозные, не останавливаясь при этом перед теми колоссальными затратами сил, которые были необходимы для заготовки и транспортировки многих сотен, а иногда и нескольких тысяч кубометров камня на далекие расстояния к месту погребения.

Объем работ, сделанных при строительстве Большого Берельского кургана, с достоверностью свидетельствует о том, что в его сооружении принимало участие значительное количество людей. Считалось, видимо, совершенно очевидным и необходимым оградить

весь род или все племя от возможных неприятностей, которые мог принести дух покойника. Если деятельность человека, пока он был жив, касалась всего рода или племени, к которому он принадлежал, то соответственно, его влияние сохраняло свои масштабы и после смерти: член рода или племени не мог бы жить спокойно, если бы он собственноручно не положил камень на могилу, не принял бы участия в сооружении каменного кургана и тем самым не оградил бы себя от козней покойника.

Другое назначение насыпи — более прозаическое: она должна была защищать погребение от ограбления и от осквернения, т. е. оберегать мертвого от живых. Вся мировая практика археологии показывает, однако, что в подавляющем большинстве случаев могильные сооружения, как бы грандиозны они ни были, не служили достаточно надежной охраной.

В Берельском кургане конские захоронения располагаются в северном крае могилы, л саркофаг-колода — в южном. Такая планировка характерна и для других захоронений Алтая, главным образом Горного. Она является свидетельством того, что южная сторона почиталась тогда населением Алтая больше северной.

Такое представление о значении сторон света сохранялось у алтайцев еще в конце прошлого века³⁹, так же как⁴⁰ и обычай посвящения умершему лошади, которая должна служить ему в загробном мире⁴¹.

Богатый материал, относящийся к идеологии, дают берельские зооморфные фигурки: бронзовые скульптуры с саркофага-колоды и украшения конской сбруи. Наличия большого количества зооморфных изображений, как известно, чрезвычайно характерно для погребальных памятников ранних кочевников Алтая. В изображении реальных зверей, часто сильно стилизованных в соответствии с художественными представлениями того времени, в большинстве случаев можно без особого труда распознать конкретные виды, которые обитали на Алтае в I тысячелетии до н. э. и с жизнью которых была тесно связана хозяйственная жизнь его населения⁴¹. Это горный козел теке (*Capra Sibirica* M), каменный баран аргали (*Ovis ammon* L) или лось, которые с давних времен и в большом количестве водились в высокогорных районах Алтая и встречаются там в наши дни. Если нужно было изобразить хищника, то также создавался не какой-то отвлеченный образ хищного зверя, но вполне конкретное изображение тигра или барса. Однако запросы алтайского общества второй половины I тысячелетия до н. э. в эстетической и идеологической областях не удовлетворялись созданием и использованием в жизни изображений только реальных зверей. Анимистическое восприятие мира, убеждение в том, что жизнь человека нераздельно связана и во многих своих проявлениях зависима от действия духов и отношений с ними, населяли леса и горы Алтая сверхъестественными, на наш взгляд, но, по представлениям общества того времени, вполне «естественными» существами, такими, как крылатый тигр, многоголовый волк, грифон, какие-то копытные с клювами и другие чудовища.

Берельские зооморфные изображения уже привлекали внимание исследователей. Прежде всего в печати появилось их описание⁴², затем их стали использовать для интерпретации комплекса, в котором они были найдены⁴³, и, наконец, они привлекли к себе внимание в связи с проблемой общей характеристики культуры населения Южной Сибири в древние времена⁴¹.

Нельзя, однако, сказать, что берельские зооморфные изображения изучены с достаточной полнотой⁴⁵. Не решены, в частности, вопросы их семантики, которые представляют особый интерес для изучения мировоззрения ранних кочевников Алтая.

Возможность несколько конкретизировать семантику берельских зооморфных изображений дает этнографический материал.

Берельская звериная голова стрфовидной короной выполнена с большим художественным мастерством и, на первый взгляд, особенно если не обращать внимания на рога-корону, весьма реалистично (см. рис. 12, /; рис. 16, I). Однако детальное рассмотрение вещи показывает, что художник, приступая к работе, не стремился точно передать облик животного определенного вида. В лесах Алтая водились лоси, маралы, выше в горах — горные козлы и каменные бараны, к северу и на плоскогорьях — северные олени. Вырезанная художником голова не является изображением ни лося, ни марала, ни горного козла, ни северного оленя.

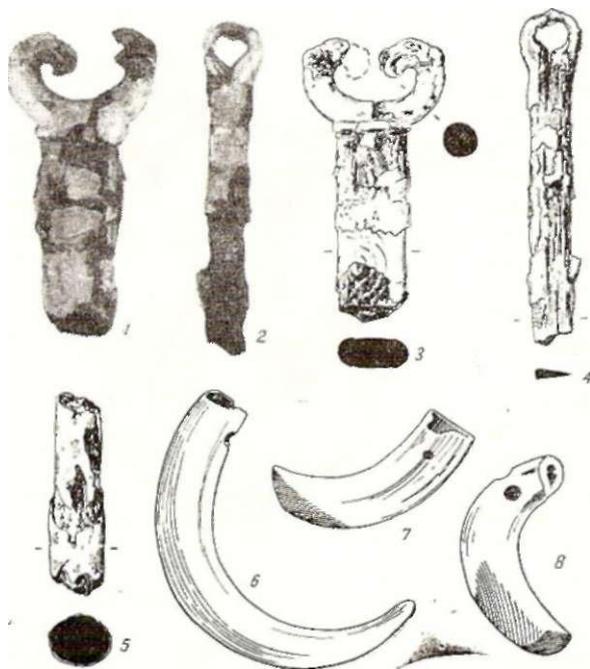

Рис. 21. Малый курган № 2:

1, 3 — рукоятка кинжала; 2, 4 — рукоятка ножа;
железный стержень; 6—8 подвеска из клыков кабана.

щие знаки пегий сокол и ястреб-конь»⁵⁶ то «два одинаковых... коня-сокола, выкроенные по форме летающих птиц»⁵⁷.

Литые бронзовые фигурки также являются изображениями нереальной в нашем понимании птицы. Их можно назвать грифами, наполняя это слово значением, которое придает термину грифон. Тело, лапы и крылья у них птичьи, но головы грифов с массивным клювом характерной формы, с ушами, с рогом на лбу и с глазами особенной формы (см. рис. 10, И, 20). Этот последний признак, на который до сих пор обращалось мало внимания, с нашей точки зрения чрезвычайно важен. Дело в том, что гриф, или грифон, как и всякое другое мифическое существо, представляет собой чудовище, сочетающее в себе в обычной или гиперболизированной форме наиболее ярко выраженные свойства нескольких различных живых существ. Мифическое чудовище чаще всего обладает силой, ловкостью, энергией и остротой зрения и слуха птицы и зверя вместе взятых. Грифон летает на птичьих крыльях, терзает свою жертву когтями тигра или орла, разрывает ее загнутым хищным клювом, защищается от нападения изогнутым рогом, тонко воспринимает звуки звериными ушами и отличается особой остротой зрения. Иными словами в грифоне сочетаются сильнейшие и значительнейшие качества нескольких животных.

В этом плане для нас особенно любопытна форма глаз интересующих нас бронзовых фигурок. Это не глаза птицы. Они не круглые. Это также не глаза тигра или какого-либо другого хищника породы кошачьих. Это глаза копытного животного. Больше всего своей формой они напоминают глаз лошади. И это, по-видимому, не случайно.

В шаманских молитвах, о чем уже упоминалось, мы сталкиваемся с конями-соколами, «выкроенными по форме летающих птиц», которые являются образами добрых духов. Одним из таких добрых духов неба, чистым тбеом, по представлениям алтайских шаманистов, является Суила. Это земной страж человека, видящий все кругом на расстоянии, которое можно

ни в коем случае шкурой овцы, лошади, быка или коровы»⁵³.

Религия алтайцев со свойственной ей, как и всякой религии, склонностью к канонизации, зафиксировала и сохранила долго как этнографический пережиток обобщенное представление о диком копытном животном, которое, как сказано выше, выражается термином *риг бур*.

В берельском украшении, представляющем собой морду зверя с трефовидной короной на голове, следует видеть изображение дикого копытного животного вообще и притом в его анимистическом осмыслении, свойственном мировоззрению ранних скотоводов-кочевников Алтая.

Теперь обратимся к вырезанным из дерева односторонним плоскостным фигуркам фантастического существа с лошадиной или оленьей мордой, тупыми рогами, обрамленными внизу венчиком из перлов, с крошечным телом, завитыми крыльями и хвостом. Это, безусловно, изображение какого-то мифического существа, почитаемого древними алтайцами⁵⁴.

В шаманских текстах мы встречаем лаконичные и яркие описания подобного существа. То это каурый гусь⁵⁵, то «пегий сокол с лошадиными ушами»⁵⁶, то «имею-

Рис. 22. Малый курган, расположенный к северо-востоку от Большого:

1 — железная сабля; 2—14 — изделия из кости.

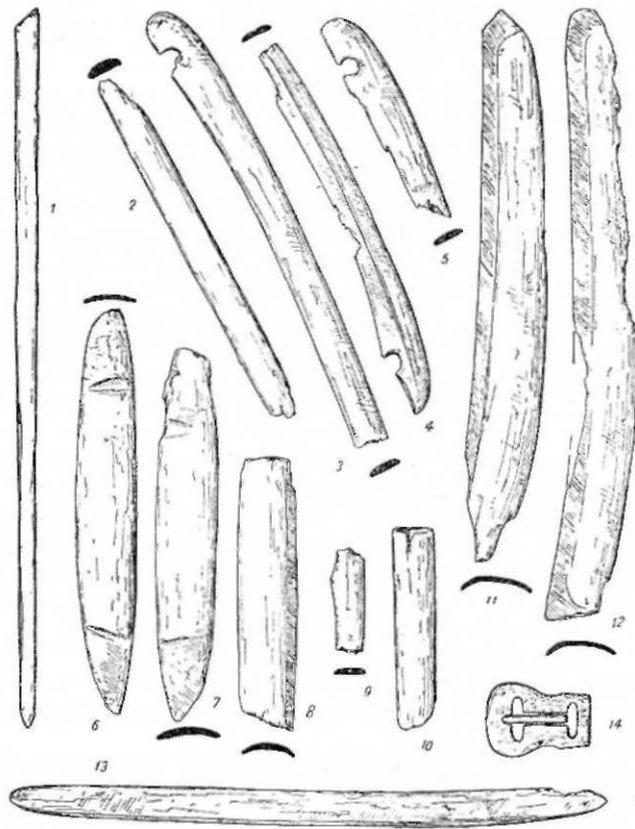

Рис. 23. Малый курган, расположенный к западу от Большого:

1,2 — кольцо от железных удил с двумя серебряными обоймами; 3 — две серебряные обоймы с крючьями; 4,9 — три серебряные скобы с пуговицами; 5 — серебряная обойма; 6 — каменная поделка; 7 — наконечник из раковины; 8 — железный меч; 10 — серебряные заклепка и застежка; // — костяная пряжка; 12 — деревянный стержень с серебряным украшением; 13 — две серебряные круглые бляшки; 14 — два обрывка пластинчатого железного панциря; 15 — серебряная пряжка с язычком (из альбома В. В. Радлова).

проехать за тридцать дней. «Некоторые шаманы, — пишет А. В. Анохин, — представляют себе Суилу в виде беркута с лошадиными глазами (разрядка моя. — С. С.). Во время камлания Суила сопутствует шаману на небо и в нижний мир, охраняя его от несчастий, и вместе с Jajbik'om ведет жертвенное животное в ту или другую область»⁵⁸. Вечером при камлании в юрте шаман называет Суилу «хан Суила с конскими глазами»⁵⁹.

Шаманские религиозные образы безусловно восходят к глубокой древности. Они помогают нам расшифровать семантику некоторых берельских зооморфных изображений. Вполне вероятно, что найденные в Большом Берельском кургане литые из бронзы скульптурные фигурки грифонов, некогда украшавшие саркофаг-колоду, вырезанные из дерева и покрытые золотой фольгой плоскостные фигурки дикого копытного животного, голова которого увенчана трехрогой короной, а также фигурки чудовищ с мордой копытного и крыльями птицы, украшавшие уздечки убитых для погребения лошадей, являются изображениями добрых духов из пантеона ранних кочевников Алтая, изображениями мифических персонажей, к которым восходят некоторые религиозные образы ушедшего сейчас в прошлое алтайского шаманизма. Эти существа не были похожими на тех, которых могли видеть «простые смертные» в условиях обыденной жизни, но которые являлись им в их анимистическом сознании, материализовались в их воображении или даже становились видимыми и осязаемыми для наделенных особыми, высшими свойствами «избранных» членов общества ранних кочевников: для вождей, старейшин, героев или хранителей анимистической истории общества и его тотемистических представлений и легенд.

Ни у кого, однако, не вызывает сомнений, что все эти изображения, как реально существующих зверей, так и фантастических, носят двойственный характер. Это и религиозные символы, обладающие сверхъестественной силой, и просто украшения предметов жизненного обихода.

Мы привели выше соответствия, которые усматриваются между древними зооморфными изображениями и описательными характеристиками некоторых шаманских религиозных образов, ныне известных лишь по этнографическим записям. Эти соответствия, однако, ни в какой мере не обязывают нас делать вывод о том, что мировоззрение ранних кочевников Алтая ничем не отличалось от религиозных представлений алтайских шаманистов, например, телеутов конца XIX в. Напротив, мы считаем, что ввиду разницы общественно-экономических укладов нет никаких оснований отождествлять шаманизм ранних кочевников Алтая и алтайцев XIX в. (кстати шаманизм в той форме, которая нам хорошо известна по этнографическим материалам, уже существовал на Алтае в середине I тысячелетия до н.э.).

К середине I тысячелетия до н.э. алтайские племена, освоив специализированное кочевое скотоводство, перешли на стадию военной демократии. Их мировоззрение при этом сильно изменилось. «При военно-демократическом строе, — пишет М. П. Грязнов, — значительно возросла роль отдельной личности, которая представлялась теперь более реальной силой, чем воображаемое могущество зооморфных мифических существ. Человек стал сознавать, что многое в его жизни зависит от его собственной активности, от тех или иных действий наиболее могущественных по своему общественному положению или личным качествам людей. Однако это не могло разрушить старые представления о зооморфных мифических существах, как управляющих миром силах, но отношение к ним изменилось. Могущественные вожди и владыки играли в жизни племени и рода не меньшую роль, чем воображаемые действия мифических существ»⁶⁰.

Новое мировоззрение в его наиболее отчетливой форме оказалось, однако, характерным, главным образом только для верхушки общества — для военных вождей и дружины. Старая же идеология, старые традиционные представления об устройстве мира и его закономерностях продолжали жить в среде рядовых общинников. Видимо, именно поэтому ко времени, когда прошла героическая пора в жизни ранних кочевников Алтая, нашедшая свое отражение в сложившемся тогда эпосе⁶¹, произошел как бы возврат к старой идеологии. Древний шаманизм развивался в условиях примитивного и замкнутого охотничье-рыболовецкого хозяйства на базе первобытной общины. Переход к специализированному кочевому скотоводству и военно-демократической организации общества разрушил эту замкнутость и

примитивизм и привел алтайские племена в соприкосновение почти со всем культурным миром. На какое-то время конные воины, организованные по принципам личной доблести (а не кровного родства) в военные отряды, игравшие роль общественных групп, дерзнули противопоставить себя силам природы. Именно на стадии военной демократии возникает обычай поклонения мечу. Не богу войны, а именно мечу как индивидуальному оружию, защищающему каждого сильного и смелого от всех бед и обеспечивающему власть и славу. Не случайно к₆₂ культу меча независимо пришли и скифы Причерноморья и хунну Центральной Азии.

В дальнейшем, в силу сложения новой исторической обстановки роль военной структуры в жизни алтайского общества ослабевает и в соответствии с этим вновь возрождается и усиливается роль шаманских религиозно-магических институтов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Кроме Большого кургана, на Берельском плато В. В. Радлов в 1865 г. раскопал еще пять курганов: два вблизи Большого (тюркского времени) и три у гор (синхронных Большому). Ниже приводятся краткие сведения о них.

Г р у п п а к у р г а н о в у г о р (на плане 1959 г. № 4—11, см. рис. 1).

Малый курган № 1. Каменная насыпь диаметром около 4,5 м. Могильная яма не обнаружена.

Малый курган № 2. Каменная насыпь диаметром около 10 м и высотой около 1 м. Могильная яма 4 X 4 м, глубиной 3,5 м. В северной части ямы под слоем лиственничных плах (по В. В. Радлову: тесниц) пять лошадиных скелетов, головами на восток. Скелет человека в юго-западной части ямы перекрыт бревнами.

Инвентарь:

- а. Золотые украшения, видимо, фольга, покрывавшая дерево, бересту и кожу (на головах двух лошадей).
- б. Множество, как говорит В. В. Радлов, кабаньих зубов с просверленными дырочками (у головы лошади) (рис. 21, 6—5).
- в. Следы тонких серебряных украшений (тоже у головы лошади).
- г. Раздавленная глиняная посуда (в середине ямы).
- д. Золотые пластинки — украшения одежды и пуговицы (на костях ног и таза человека).
- е. Железный нож, рукоятка которого украшена листовым золотом (у правой руки) (рис. 21, 2, 4).
- ж. Железный кинжал с рукояткой, обложенной золотой фольгой (у правой руки) (рис. 21, /, 3).
- з. Обломок железного стержня с остатками золотой фольги (может быть, рукоятка кинжала или ножа; у правой руки) (рис. 21, 5).

Малый курган № 3. Каменная насыпь диаметром 14 м и высотой 1 м. Могильная яма 2,8 X 2,1 м. На глубине от 0,7 до 1,0 м земля оказалась мерзлой (это — в конце июля). На глубине 2 м встречены следы бревна, а в «боку ямы», как сказано у В. В. Радлова, перекрытые бревнами скелеты трех лошадей. На глубине 3,5 м в южном крае ямы — две фаланги пальцев рук. В. В. Радлов считал, что могила была ограблена его же рабочими.

Инвентарь:

- а. Перержавевшие железные удила (у лошадиных скелетов).
- б. Глиняная раздавленная посуда (на глубине около 2,7 м).
- в. Золотая пластинка (может быть, обкладка пуговицы; утрачена).

Группа курганов^{8,5} расположенных рядом с Большим Берельским курганом.

Малый курган к северо-востоку от Большого (на плане 1959 г. № 17, рис. 1). Каменная наброска диаметром около 6 м и высотой 1,5 м. Прямоугольная могильная яма приблизительно 2 X 1 м. На глубине 2 м — скелет лошади головой на восток. В северном крае могильная яма углублена еще на 0,7 м. В этом углублении был погребен человек в положении на спине, с вытянутыми руками, головой на восток.

Инвентарь:

- а. Следы железных удил (вблизи черепа лошади).
- б. Костяная пряжка («между руками», как сказано у В. В. Радлова) (рис. 22, 14).
- в. Железная сабля (у правого бока; не сохранилась) (рис. 22, /).
- г. Четыре железных наконечника стрел (сохранился один).
- д. Костяные накладки лука (рис. 22, 2—9, 11—13).
- е. Костяная трубка (рис. 22, 10).
- ж. Остатки железных предметов.

Малый курган к западу от Большого (на плане 1959 г. № 3; рис. 1). Каменная наброска диаметром 10,5 м и высотой около 2 м. Могильная яма 3 X 2,5 м. Три лошадиных скелета, головами на восток (на какой глубине не указано) и на метр глубже — скелет человека головой тоже на восток.

Инвентарь:

- а. Деревянный стержень с серебряным украшением (на груди скелета человека; утрачен) (рис. 23, 12).
- б. Каменная поделка (бусина или навершие рукояти плети) (рис. 23, 6).
- в. Серебряное кольцо (на пальце правой руки; утрачено).
- г. Два железных ножа в ножнах (утрачены).
- д. Большой железный меч с железной рукояткой и кольцом, как у мечей бронзового века (W. R a d l o f f. Aus Sibirien, т. II, стр. 112; утрачен) (рис. 23, 8).
- е. Два обрывка пластинчатого железного панциря (ниже костей рук, слева) (рис. 23, 14).
- ж. Следы серебряных пластинок (у ног).
- з. Костяная пряжка от пояса; язычок не сохранился (рис. 23, 11).
- и. Железная оправа ремня.

К северу от лошадиного скелета лежала узда, от которой сохранились:

- к. Кольцо от железных удил с двумя серебряными обоймами для крепления ремней узды (рис. 23, /, 7).
- л. Три серебряных скобки с пуговицами (рис. 23, 4).
- м. Серебряная пряжка с язычком (рис. 23, 15).
- н. Две серебряные круглые бляшки (рис. 23, 13).
- о. Серебряные заклепки или застежки (рис. 23, 5, 10).
- п. Две серебряные обоймы с крючьями (рис. 23, 3).
- р. Треугольники из раковины (наконечники стрел для самострела?) (рис. 23, 7).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Дело Археологической комиссии, № 8, 1865 г.; Отчет ИАК за 1865 г., СПб., 1866, стр. XVII—XIX.

² Рисунки выполнены прикомандированным к В. В. Радлову в 1865 г. горным кандидатом Павлом Ивачевым. Альбом хранится в Отделе археологии Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде; см.: В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, т. I, вып. I. СПб., 1888, стр. 11.

³ W. W. K a d l o f f. Aus Sibirien. Bd II, Leipzig, 1884.

⁴ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. ЗРАО, т. VII, новая серия, СПб., 1895, стр. 10—216. Описанию берельских курганов посвящены страницы 186—189. Анализ материала помещен далее.

- ⁵ Московский публичный и Румянцевский музеи. Каталог Отделения древностей, в) Древности доисторические. М., 1905, стр. 154—156, № 3443—3469.
- ⁶ A. Z a k h a g o v. Materials on the Archaeology of Siberia. ESA, III, Helsinki, 1928, p. 132—140.
- ⁷ М. П. Г р я з н о в. Пазырык (работа не опубликована), основные положения изложены в кн.: Г р я з н о в. Первый Пазырыкский курган.
- ⁸ См., напр.: С В. К и с е л е в. Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г. СЭ, 1935, № 1, стр., 105; С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 339; С. И. Р у д е н к о. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л., 1953, стр. 297, 300, табл. LXXXIV, 2, 3, и LXXXV, 4, 5; Г р я з н о в. Первый Пазырыкский курган, стр. 9.
- ⁹ Экспедицию финансировали Институт археологии и Государственный Эрмитаж. В ее состав, кроме автора настоящей публикации, вошли: старший лаборант Института археологии И. М. Замоторин, научно-технический сотрудник лаборатории радио-углеродного анализа В. И. Коршунов и коллектор А. И. Воронин. Большую помощь экспедиции оказала Р. П. Столбова, директор Усть-Каменогорского областного краеведческого музея. Раскопки проводились с 16 июля по 6 августа. С. С. С о р о к и н. Доследование Большого Берельского кургана. СГЭ, XXI, Л., 1962, стр. 70—72.
- ¹⁰ Вопросу реконструкции первоначального вида надмогильных сооружений последнее время много внимания уделяет М. П. Грязнов. Его наблюдения в процессе новых раскопок, а также специальное изучение старого материала показало, что надмогильные сооружения, в особенности выполненные из камня, чаще всего имели крутые стенки.
- ¹¹ С С С о р о к к н, ук. соч., стр. 71, 72.
- ¹² В. В. Радлов пишет следующее: «На глубине 10 1/2 аршин ниже поверхности земли я наткнулся на человеческие кости, а именно: кости рук и ног, которые лежали однако не в длину могилы, а поперек нее. Кости рук находились прямо под северным краем могилы. Я приказал исследовать всю северную стену, но нашел только остатки еще двух или трех ребер. Кости так пострадали от сырости, что, когда их вынули из могилы, представляли только пыль и осколки. Подле человеческих костей нашлись остатки медных и небольшого числа золотых пластинок. В юго-восточном углу могилы, на уровне скелета, мы нашли еще кучу угля и пепла. Под человеческими костями был каменистый грунт, очевидно дно склепа» (ЗРАО, VII, стр. 188).
- ¹³ Кости лошади были обнаружены «под деревянной крышей», как сказано у В. В. Радлова (ЗРАО, VII, стр. 188). В рукописном же отчете об этом костяке сообщается, что он найден на глубине полутора аршин под срубом (Дело Археологической комиссии, № 8, 1865 г.).
- ¹⁴ В скобках указывается год раскопок. Шифр Р — означает номер по списку В. В. Радлова, хранящемуся в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Дело Археологической комиссии, № 8, 1865 г.); шифр РМ — означает номер по каталогу Румянцевского музея (Московский Публичный и Румянцевский музей. Каталог отделения древностей, в) Древности доисторические. М., 1905, № 3392—3469). Отсутствие одного или обоих шифров означает, что вещь ни в тот, ни в другой список не внесена или о ней известно только по тексту отчета. Шифры ИА и ГИМ означают, что предметы находятся в Ленинградском отделении Института археологии или в Государственном историческом музее в Москве. Все другие случаи оговариваются особо. Для описания находок использованы данные, полученные В. В. Радловым (включая его альбом зарисовок, хранящийся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде), личные наблюдения, а также консультации с М. П. Грязновым и С. И. Руденко. Пользуюсь случаем выразить признательность Алексею Петровичу Смирнову и всем сотрудникам археологического отделения Государственного исторического музея, которые оказали мне большую помощь при моей работе над берельским материалом в музее.
- ¹⁵ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. ЗРАО, т. VII, стр. 187.
- ¹⁶ С. И. Р у д е н к о. Горноалтайские находки и скифы. М. — Л., 1952, стр. 226. Некоторое сходство с берельским обнаруживает курган 2 из второй группы у д. Черновой (А. В. А д р и а н о в. К археологии Западного Алтая", ИАК, 62, 1916, стр. 40 и сл.).
- ¹⁷ Г р я з н о в. Первый Пазырыкский курган.
- ¹⁸ С. И. Р у д е н к о. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948; О н ж е. Горноалтайские находки и скифы, рис. 65, а, д, рис. 66, г, д.
- ¹⁹ С. И. Р у д е н к о. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1953, табл. СХ, 2, 3.
- ²⁰ С. И. Р у д е н к о. Второй Пазырыкский курган, табл. XIV, / и стр. 32. Автор считает, что этот орнамент представляет собой развитие лотосовидного мотива.
- ²¹ С. И. Р у д е н к о. Культура населения Центрального Алтая..., табл. СХІХ, /, 2.
- ²² С. И. Р у д е н к о. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 111, рис. 11.
- ²³ С. И. Р у д е н к о. Культура населения Центрального Алтая..., табл. СХІ, 1—7; СХП, /—4; СХ, 4,5.
- ²⁴ Там же, табл. ХСІ, 6.
- ²⁵ С. И. Р у д е н к о. Второй Пазырыкский курган, стр. 50, табл. XXVII, 3.
- ²⁶ С. И. Р у д е н к о. Культура населения Горного Алтая..., табл. ХСVII, /—3\ табл. ХСІХ.
- ²⁷ Там же, рис. 70 и табл. LVIII.
- ²⁸ С. И. Р у д е н к о. Второй Пазырыкский курган, рис. 26, стр. 46, 47.
- ²⁹ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, т. I, вып. I—III. СПб., 1888. табл. VI, 22; табл. XI, II; табл. XII, 8—10; табл. XIV, 8, 9.
- ³⁰ С В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 337, табл. XXX, //. Хранится в Барнаульском краеведческом музее.

- ³¹ Вопросы хозяйства, быта и мировоззрения ранних кочевников Алтая разрабатывались М. П. Грязновым и С. И. Руденко. Оба исследователя согласны в том, что население Горного Алтая середины и второй половины I тысячелетия до н. э. занималось преимущественно скотоводством, а также охотой и отчасти рыболовством. Но в оценке быта мнения М. П. Грязнова и С. И. Руденко расходятся. М. П. Грязнов считает — и с нашей точки зрения справедливо, — что ранние кочевники Алтая вели кочевой образ жизни с сезонными остановками (Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 50—53). С. И. Руденко же полагает, что «алтайские скифы» были оседлым народом и что только какая-то часть населения эпизодически передвигалась с места на место (С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая..., стр. 199—202).
- ³² П. И. Некрасов и В. Л. Моисеенко. Климатический очерк Рудного Алтая. Сб.: «Сельское хозяйство Рудного Алтая», М. — Л., 1940, стр. 27—36.
- ³³ В. В. Радлов. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. ЗРАО, VII, СПб., 1896 (отдельный оттиск), стр. 41.
- ³⁴ М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 51, 52. В 1961 г. при наших раскопках на Бухтарме ниже впадения в нее речки Курту в погребении, синхронном берельским захоронениям, найдены кости барана.
- ³⁵ М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 52, 53.
- ³⁶ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 152, 167.
- ³⁷ М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 59; С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 39, 40—41.
- ³⁸ А. В. Анохин. Душа и ее свойства у телеутов. Сборник МАЭ, т. VIII, Л., 1929, стр. 263.
- ³⁹ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сборник МАЭ, т. IV, 2, стр. 2, 3.
- ⁴⁰ А. В. Анохин. Душа и ее свойства у телеутов, стр. 260.
- ⁴¹ М. П. Грязнов. Пазырык (архив автора).
- ⁴² Отчет Археологической комиссии за 1865 г. СПб., 1866, стр. XV—XIX; W. Radloff. Aus Sibirien. Bd II, Leipzig, 1893, стр. 110—112; В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. I, СПб., 1888, стр. II; В. В. Радлов. Сибирские древности. ЗРАО, т. VII, новая серия, СПб., 1895, стр. 185—189.
- ⁴³ A. A. Zakhargov. Materials on the Archaeology of Siberia (Dr. V. V. Radloff's Excavations in the Berel Steppe). ESA, III, Helsinki, 1928, p. 132—140.
- ⁴⁴ Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 72—84; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая..., табл. LXXXIV, 2, 3 и LXXXV, 4, 5, стр. 287, 297; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 337, 339.
- ⁴⁵ Наиболее подробно вопросами интерпретации занимался С. В. Киселев.
- ⁴⁶ А. В. Анохин. Материалы..., стр. 4, 8, 9, 12, 87, 99, 102, 105, 109, 111, 113, 115, 116, 123, 133. Следует, однако, отметить, что к записям мифологии алтайцев, также как и к тексту камланий, как к источнику, в котором отражены древние явления, нужно относиться осторожно. Для них характерна относительно быстрая изменчивость, насыщение новыми, часто привнесенными извне словами и понятиями.
- ⁴⁷ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV, СПб., 1883, табл. XVI, 73, 75, табл. XVII, 77, табл. XXI, 92; Д. К. Зеленин. Культ онгопов Сибири. М. — Л., 1936, стр. 48—54.
- ⁴⁸ Л. Р. Кызласов. К истории шаманских верований на Алтае. КСИИМК, вып. XXIX, М. — Л., 1949., стр. 48—54.
- ⁴⁹ Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. СЭ, 1935, № 4—5, стр. 136—139.
- ⁵⁰ Там же, стр. 135.
- ⁵¹ Б. Э. Петри. Старая вера бурятского народа. Иркутск, 1928, стр. 70. «На душе того животного, шкура которого натянута на бубен, шаман совершает поездки в потустороннее царство».
- ⁵² Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений..., стр. 140, 141.
- ⁵³ Там же, стр. 140. Интересно отметить, что у тлинкитов — северо-западных индейцев Северной Америки, тоже шаманистов, — бубен обтягивается кожей дикого барана или дикого козла.
- ⁵⁴ С. В. Киселев считает, что это «крылатый гиппокамп» (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 339).
- ⁵⁵ А. В. Анохин. Материалы..., стр. 104.
- ⁵⁶ Там же, стр. 105.
- ⁵⁷ Там же, стр. 74.
- ⁵⁸ Там же, стр. 13, 14.
- ⁵⁹ Там же, стр. 94, 97, 132.
- ⁶⁰ Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 84.
- ⁶¹ М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. Археологический сборник, № 3, Государственный Эрмитаж, Л., 1961, стр. 7—31.
- ⁶² Геродот. История, IV, 62; Као Ч'й - h s u п. The Ching Lu Shen Shrines of Han Sword Worship in Hsing Nu Religion. "Central Asiatic Journal", v. V, No 3, 1960.
- ⁶³ А. А. Гаврилова. Могильник Кудергэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 196 стр. 54—57.